

ГЛАВА 2

Героические 329 дней: оборона Порт-Артура

«Русские... сумели нанести огромные потери японским войскам»: бои на подступах к крепости

Высадившаяся в Бицзыво 2-я японская армия под командованием генерала Я. Оку 2(15) мая двинулась по направлению к Порт-Артуру. Она имела своей первоочередной задачей овладеть Цзиньчжоуским перешейком и портом Дальний.

Для установления соприкосновения с противником на подступах к Цзиньчжоу начальник 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор А.В. Фок по указанию командующего русскими войсками на Квантунском полуострове генерал-лейтенанта А.М. Стесселя выслал два небольших отряда. Первый отряд под командованием полковника А. Дунина, состоявший из 8 рот, конно-охотничьей команды 5-го полка и команды пограничной стражи, при поддержке 10 орудий занял выгодные позиции на высоте западнее деревни Шисалитеза. Второй отряд подполковника В.И. Сейфулина, 2 роты и 2 отдельные команды, был выдвинут к деревне Чафантань.

Столь малая численность войск, выделенных для обороны подступов к Цзиньчжоуской позиции, объяснялась тем, что первоочередной задачей этих отрядов считалось лишь про-

ведение рекогносцировки, а отнюдь не ведение активных боевых действий. В инструкции Стесселя от 2(15) мая прямо указывалось: «При превосходных силах противника не увлекаться, а постепенно отходить за Киньчжоускую (далее Цзиньчжоускую. — *Авт.*) позицию¹. Каких-либо конкретных указаний обоим отрядам на случай столкновения с передовыми японскими частями со стороны Стесселя и Фока не последовало.

3(16) мая в 8 часов 30 минут на высотах перед позицией отряда Дунина показалась японская пехота. Несмотря на свое численное превосходство, японцы вследствие огня русской артиллерии были вынуждены скрыться в оврагах и прекратить фронтальные атаки. Через 2 часа атаки возобновились. Теперь они были направлены против правого фланга русского отряда, командование которым принял генерал-майор М.А. Надеин.

Японскую пехоту поддерживали 24 орудия. Однако русские артиллеристы под командованием подполковника Н.А. Романовского, имевшие всего 10 орудий, смело вступили в этот неравный поединок. Несмотря на большие потери, достигавшие 2/3 всего личного состава, батарея Романовского вела такой интенсивный и меткий огонь, что японская артиллерия была подавлена. Около 13 часов атака неприятеля на деревню Шисалитеза была остановлена.

Развертывание 8 японских батальонов и артиллерии для атаки на правофланговую передовую позицию русских войск у деревни Чафантань началось в 7 часов утра. Все передвижения противника происходили открыто на расстоянии 3–4 км, вне сферы ружейного огня русского отряда.

Командир отряда подполковник Сейфулин доносил, что наличие хотя бы двух орудий при вверенном ему отряде могло бы нанести громадный вред противнику. Но артиллерии не было, и 2 русские роты вынуждены были в 9 часов 30 минут вступить в неравный бой.

Неудачный для русских войск исход боя на передовых позициях у деревень Шисалитеза и Чафантань был обусловлен

преступной бездеятельностью генерала Фока. По его вине силы, выделенные в состав передовых отрядов, оказались незначительными и во время боя не были поддержаны резервами. Оба отряда не имели единого командования, вследствие чего оказалась невозможной организация взаимодействия. И тем не менее русские пехотинцы и артиллеристы показали в бою с превосходящими силами противника образцы стойкости и героизма. Потери русских войск в бою 3(16) мая составили 24 человека убитыми и без вести пропавшими и 169 ранеными. Противник потерял убитыми и ранеными 146 солдат и офицеров.

Цзиньчжоуская позиция, на которую отошли русские войска, располагалась на высотах узкого перешейка (шириной около 4 км), соединявшего Ляодунский и Квантунский полуострова. Находившаяся в 62 км от Порт-Артура цзиньчжоуская позиция, или, как ее называли, «ворота к Артуру», была неразрывно связана с городом. Укрепления на Цзиньчжоуском перешейке состояли из 13 артиллерийских батарей, 5 редутов и 3 люнетов, а также пехотных траншей, вырытых в два, а местами в три яруса и соединенных между собой ходами сообщений.

Восточный и северный фасы позиций были оборудованы искусственными препятствиями, состоявшими из проволочных заграждений и 84 фугасов с электрическими запалами. Кроме того, на позиции было устроено 66 блиндажей, вырыто 8 колодцев, проведена телефонная линия и установлено два прожектора. К обороне был приспособлен и город Цзиньчжоу, находившийся к северу от левого фланга цзиньчжоуской позиции².

Для обороны Цзиньчжоуского перешейка был выделен отряд 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии численностью 17 760 человек, усиленный 54 полевыми и 77 крепостными орудиями, а также 10 пулеметами. Для непосредственной обороны позиции и города Цзиньчжоу было назначено всего около 3800 человек, 65 орудий и 10 пулеметов под командованием полковника Н.А. Третьякова.

Серьезным недостатком являлось то, что почти все русские батареи располагались на открытых позициях, на гребнях высот и весьма скученно, были плохо обеспечены боеприпасами. На каждое орудие приходилось по 60 снарядов. Такого количества едва могло хватить на один день напряженного боя. Несмотря на то что все батареи имели между собой телефонную связь, системы единого управления огнем организовано не было.

Тем не менее цзиньчжоуская позиция являлась серьезным препятствием для 2-й японской армии. Выгодные условия местности в сочетании с инженерными сооружениями и поддержка флангов позиции силами флота были важнейшей предпосылкой прочной и устойчивой обороны этого рубежа. Французский военный историк полковник К. Грандпре писал по этому поводу: «Перешеек Цзиньчжоу — место, предназначенное для возведения форта-заставы. Если бы русские имели время построить такой форт и хорошо снабдить его всеми средствами современной техники, они могли бы с небольшим гарнизоном задержать японские войска на целые месяцы. Японцы должны были бы или приступить к осаде форта, или высаживаться в каком-либо пункте Квантунского полуострова, более, чем Бицзыво, подверженном опасности со стороны гарнизона Порт-Артура и русско-го флота»³.

Однако командующий Маньчжурской армией генерал А.Н. Куропаткин не понимал важности цзиньчжоуской позиции, являвшейся практически единственным укрепленным рубежом на подступах к Порт-Артуру, и не придавал должного значения ее удержанию. 12(25) мая, накануне атаки японцами Цзиньчжоуского перешейка, Стессель получил от Куропаткина следующую телеграмму: «Самое главное — это своевременно отвести войска генерала Фока в состав гарнизона Порт-Артура. Мне предоставляется желательным вовремя снять и увезти с Цзиньчжоуской позиции на поезде орудия. Иначе (у японцев. — *Авт.*) будут новые трофеи... Впечатление произведет это крайне тяжелое»⁴.

Для атаки цзиньчжоуской позиции генерал Оку сосредоточил около 35 тыс. человек (1-я, 3-я и 4-я дивизии — всего 36 батальонов пехоты, 3 саперных батальона, 9 эскадронов кавалерии), 216 полевых орудий и 48 пулеметов.

Подразделения 5-го стрелкового полка, оборонявшие перешеек, уступали, таким образом, противнику в живой силе в 9 раз, а по количеству артиллерийских орудий и пулеметов — в 4–5 раз.

В ночь на 13(26) мая японцы начали теснить русские сторожевые посты и вскоре заняли город Цзиньчжоу, гарнизон которого под огнем артиллерии противника отступил на позицию. Часть русских орудий была подбита, другие прекратили огонь из-за отсутствия снарядов. 44 орудия полевой артиллерии дивизии Фока, находившиеся на значительном удалении на Тафаншинских высотах, не могли оказать никакой поддержки батареям Цзиньчжоуской позиции. Лишь 3-я батарея капитана Л.Н. Гобято, расположенная на закрытой позиции у деревни Лиудятунь, вела сосредоточенный огонь по батарее противника на горе Самсон. Результаты обстрела оказались весьма эффективными. Батарея противника была подавлена и прекратила огонь. При этом 3-я батарея потерь не имела. Неоднократные попытки японской артиллерии подавить ее огонь оказались безуспешными. Но так или иначе батарея капитана Гобято не смогла оказать существенного влияния на исход боя.

В официальном донесении командующего 2-й японской армии о цзиньчжоуском бое говорится: «Благодаря упорному сопротивлению неприятельской пехоты положение дела не изменялось до 5 часов дня. До этого времени мы не могли найти бреши для наступления нашей пехоты, а 3-я дивизия, наш левый фланг, была тем временем в опасности быть окруженной, так как противник усилил свою пехоту против ее левого фланга, а обе батареи в Нанкванлинге помогали атаке противника. Это все больше и больше угрожало левому флангу дивизии, в то же время полевой запас артиллерийских снарядов у нас почти совсем иссяк: становилось ясно, что продолжать бой весьма опасно. Ввиду этого я был вынужден при-

казать нашей пехоте предпринять штурм позиции и овладеть ею даже тяжелой ценой; а нашей артиллерии было приказано пустить в ход оставшиеся снаряды с целью энергично обстрелять противника. Пехота нашей 1-й дивизии бросилась вперед на позицию неприятеля храбро и отважно, но благодаря жесткому фланговому огню неприятеля большое количество наших людей было убито или ранено. Положение стало критическим, так как дальнейшее наступление казалось невыносимым»⁵.

Японские военные историки впоследствии отметили умелое применение русскими войсками пулеметов. Русские поставили пулеметы на флангах, в то время как японские пулеметчики находились в первой линии атакующих. При продвижении вперед японские цепи оказались без поддержки пулеметов, в то время как фланговый огонь русских пулеметчиков косил японских солдат. «Русские... сумели нанести огромные потери японским войскам. Они понесли за один день сражения такие жертвы, которые превысили потери за все годы японо-китайской войны».

Оказалось, необходимо было не только обладать передовой техникой, но и научиться ее применять. Впервые русская армия по-настоящему рационально использовала пулеметный огонь в современной войне. Учитывая этот опыт русской армии, японское командование решило усилить вооружение своей армии пулеметами и усовершенствовать тактику их применения. Такой правомерный вывод сделали военные японские историки, отмечая решение командования.

Однако именно в тот момент, когда японскому командующему положение казалось безнадежным, части 4-й дивизии при поддержке корабельной артиллерии заняли почти полностью разрушенные и вследствие этого оставленные стрелками 5-го Восточно-Сибирского полка левофланговые траншеи цзиньчжоуской позиции. Через образовавшуюся брешь японская пехота стала проникать на позицию.

Прорыв противником левого русского фланга практически решил исход боя за перешеек. После 18 часов подразделе-

ния 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, оставшиеся без поддержки главных сил дивизии Фока, начали общее отступление с цзиньчжоуской позиции к Порт-Артуру.

Причинами неуспеха являлись подавляющее превосходство противника и неправильные действия русского командования. Считая ненужным оборонять перешеек, Фок даже не отдал приказа на оборону. В результате действия отдельных подразделений 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка не были должным образом организованы и протекали стихийно. Фок фактически устранился от управления боем, а основные силы его отряда не поддерживали обороняющихся и оказались в роли пассивных зрителей.

Потери русских войск в цзиньчжоуском бою составляли 1375 солдат (31,5% общего числа участвовавших) и 28 офицеров (46%). Японцы, по их официальным данным, потеряли 4071 солдата (11,6%) и 133 офицера (22,1%) и захватили все тяжелые орудия, многие из которых были разбиты.

Захват цзиньчжоуской позиции открыл японским войскам путь к Порт-Артуру. На подступах к крепости Квантунская группа русских войск не имела больше рубежей, должным образом подготовленных для обороны. По свидетельству участника обороны Порт-Артура С.А. Рашевского, известие об оставлении цзиньчжоуской позиции произвело в гарнизоне крепости удручающее впечатление. «Та позиция, — писал он, — про которую все кричали, что ее взять невозможно, что там надо положить целую армию, — сдается после второго натиска. Неужели же нам так трудно было отстоять эту позицию или хотя бы подольше задержаться на ней?»⁶

Рано утром 17(30) мая без боя был оставлен порт Дальний. Весьма характерным при этом было то обстоятельство, что, отводя свои войска на подступы к Порт-Артуру, русское командование в лице генералов Стесселя и Фока не позаботилось даже о разрушении прекрасно оборудованных портовых сооружений Дальнего. Когда здесь было получено известие об отступлении с цзиньчжоуской позиции, то военный инженер порта капитан Зедгенидзе и лейтенант Сухомлин начали

взрывать и уничтожать все, что было возможно. Но из-за недостатка времени и рабочих рук сделать что-либо в этом отношении практически не удалось. Молы, дамба, док и набережные остались почти неповрежденными. В руки противника попало более 100 складов и барачков, электростанция, железнодорожные мастерские, большое количество рельсов, вагонеток для узкоколейной железной дороги, более 400 вагонов, 50 грузовых судов, а также большие запасы угля.

Потеря цзиньчжоуской позиции и порта Дальний отрицательно сказалась на положении Квантунской группы русских войск. Связь Порт-Артура с Маньчжурской армией по суше была прервана. Противник стал немедленно использовать порт Дальний. Через него в японские армии, действовавшие в Маньчжурии и на Квантунском полуострове, в течение всей войны поступали пополнение в личном составе, вооружение, боеприпасы, продовольствие. На Дальний базировались японские миноносцы. Противник получил наконец хорошую позицию для наблюдения и обстрела всего восточного побережья Квантунского полуострова.

Между тем отступление отряда Фока к Порт-Артуру продолжалось. Опасаясь перехода противника в наступление, Стессель утром 15(28) мая направил Фоку телеграмму следующего содержания: «Отступайте к Волчьим горам, не задерживаясь без надобности на остальных позициях». В 17 часов 30 минут он повторил: «Отходить, не задерживаясь». К исходу дня головные части отряда Фока подошли к Волчьим горам.

Лишь с большим трудом начальнику 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генералу Р.И. Кондратенко удалось настоять на том, чтобы не отводить русские войска сразу к Порт-Артуру, а занять передовые позиции на высотах восточнее перевала Шининцзы по линии Суанцайгоу — Лунвантан с целью встретить наступающих японцев и, прежде чем отойти на Волчьи горы, дать бой на пересекающей Квантунский полуостров узкой равнине, по которой проходит Мандаринская дорога.

На эту передовую позицию помимо частей дивизии Фока были выдвинуты части 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Настаивая на занятии этой позиции, Кондратенко исходил из опыта цзиньчжоуского боя. Вновь избранный рубеж обороны имел то преимущество, что пересекал полуостров от моря до моря. Противник не мог его обойти с флангов и неизбежно вынужден был вести фронтальное наступление. На этой позиции протяжением около 23 км были размещены 4 полка 4-й и полк 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

Приказ для обороны передовой позиции был отдан Стесселем только 1(14) июня. Сосредоточивая большую часть сил и резерв на левом фланге и ослабляя центр и правый фланг, Стессель исходил из ничем не обоснованного предположения, что наступление противника непременно будет осуществляться вдоль Мандаринской дороги. В конце мая — начале июня части, занявшие передовые позиции, приступили к их усилению и подготовке к отражению неприятельского наступления. При этом особое внимание обращалось на левый фланг. Здесь спешно возводились окопы и траншеи, оборудовались батареи, блиндажи, проволочные заграждения, местами устанавливались фугасы.

Разведка противника была поставлена плохо. Во второй половине мая — начале июня в штаб 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии неоднократно поступали донесения о передвижениях японских войск в направлении к Порт-Артуру. Однако эти сведения в большинстве своем были неверными.

После овладения цзиньчжоуской позицией и занятия порта Дальний японское командование приостановило наступление на Порт-Артур и даже не организовало преследования отходящих русских войск. Одной из причин этого были большие потери, понесенные в бою за перешеек. Но прежде всего главная японская ставка в Токио была намерена обеспечить свои операции на Квантунском полуострове прикрытием против южного авангарда Маньчжурской армии.

Захват противником цзиньчжоуской позиции, а также перерыв сообщения между Порт-Артуром и Маньчжурской ар-

мией побудили русское командование предпринять решительные действия, которые смогли бы кардинально изменить обстановку на Квантунском полуострове. Падение Порт-Артура могло нанести серьезный урон престижу России, тем более что с потерей такой крупной военно-морской базы неминуемо обрекались на гибель боевые корабли Тихоокеанской эскадры.

Критическая обстановка, создавшаяся после неудачного боя под Вафангоу, вынудила русское правительство проявить особое беспокойство за судьбу эскадры. Адмирал Алексеев считал необходимым прорыв кораблей во Владивосток. К тому же в начале июня ремонт поврежденных броненосцев «Цесаревич», «Ретвизан» и «Победа» закончился. А после гибели на русских минах кораблей «Хацусэ» и «Ясима» в составе японского флота осталось 4 броненосца. Правда, эти потери были в определенной мере восполнены покупкой у Аргентины новых броненосных крейсеров «Ниссин» и «Кассуга». Таким образом, обе стороны имели по 6 крупных броненосных кораблей.

Однако командующий эскадрой контр-адмирал В.К. Витгефт, опираясь на мнение большинства командиров кораблей, полагал, что без боя такой переход осуществить невозможно, бой же с японским флотом, по его мнению, неизбежно должен был кончиться поражением русской эскадры. В создавшейся обстановке он видел только одну возможность — кораблям принять самое активное участие в обороне базы, и только в том случае, когда все возможности в этом отношении будут исчерпаны, выйти в море и вступить в бой с флотом противника. Однако Алексеев вновь настоятельно потребовал перевести эскадру во Владивосток, и только после этого командующий эскадрой наконец решил вывести корабли из базы.

По оценке современников, личная храбрость Витгефта не вызывала сомнения. Этого было мало. Он был хорошим штабным работником, но не имел практического опыта командования эскадрой. Оставшись после отъезда Алексеева во главе

эскадры, Витгефт на первом же собрании флагманов и капитанов откровенно признался: «Жду от вас, господа, не только содействия, но и совета. Я — не флотоводец»⁷.

Выход в море был назначен на 10(23) июня. Витгефт надеялся, что японский флот окажется разобщенным и русским кораблям удастся благополучно прорваться во Владивосток. Контр-адмирал Витгефт приказал эскадре готовиться к выходу в следующем составе: броненосцы «Цесаревич» (флагманский, командир капитан 1-го ранга Н.М. Иванов), «Ретвизан» (командир капитан 1-го ранга Э.Н. Щенснович), «Полтава» (командир капитан 1-го ранга И.Н. Успенский), «Севастополь» (командир капитан 2-го ранга Н.О. Эссен), «Пересвет» (командир капитан 1-го ранга В.А. Бойсман; здесь же находился второй флагман эскадры контр-адмирал П.П. Ухтомский), «Победа» (командир капитан 1-го ранга В.М. Зацаренный), крейсера «Баян» (командир капитан 1-го ранга Н.К. Рейценштейн), «Аскольд» (командир капитан 1-го ранга К.А. Грамматчиков), «Диана» (командир капитан 2-го ранга А.А. Ливен), «Паллада» (командир капитан 1-го ранга В.М. Сарнавский), «Новик» (командир капитан 2-го ранга М.В. Шульц); минные крейсера «Всадник» (командир капитан 2-го ранга Л.П. Опацкий), «Гайдамак» (командир капитан 2-го ранга В.В. Колюбакин) и 6 минных миноносцев («Бойкий», «Бурный», «Лейтенант Бураков», «Выносливый», «Грозовой», «Бесстрашный»).

Выход эскадры из внутреннего бассейна на внешний рейд начался с 4 часов и закончился около 11 часов. О выходе русских кораблей японские дозорные корабли сообщили вице-адмиралу К. Того, который тотчас же поспешил с главными силами к Порт-Артуру. Около 17 часов на русских кораблях увидели противника, идущего на пересечку курса. Японский флот состоял из 4 эскадренных броненосцев («Микаса», «Асахи», «Фудзи», «Сикисима»), 4 броненосных крейсеров («Ниссин», «Кассуга», «Якумо», «Асама») и 4 легких крейсеров («Кассаги», «Читосе», «Такасаго», «Ниитака»). За ними следовали 6 крейсеров, сопровождаемые 18 миноносцами. Кроме

того, еще одна группа японских кораблей в составе броненосца «Чин-Иен», 4 крейсеров и 12 миноносцев двигалась между русской эскадрой и берегом Квантунского полуострова.

Первоначально Витгефт намеревался принять бой, но затем, решив, что противник значительно превосходит русскую эскадру по числу миноносцев (30 против 6), повернул в Порт-Артур. К 22 часам русская эскадра вернулась на внешний рейд и стала на якорь. При этом эскадренный броненосец «Севастополь» подорвался на японской мине и получил подводную пробоину.

Хотя русская эскадра не достигла поставленных целей, выход ее в море оказал определенное влияние на японские планы войны в Маньчжурии. В день намеченного японцами наступления под Ляояном 11(24) июня командующие японскими армиями получили из Токио приказ перенести начало наступления на период после окончания дождей, т.к. вследствие повышения активности русского флота «перевозка морем продовольствия, потребного для соединенных маньчжурских армий, подвергнута опасности»⁸.

Между тем русское командование не сумело своевременно оценить тактическое значение горы Куинсан для предстоящих боевых действий за передовые позиции Квантунского полуострова. Для обороны этого важного опорного пункта были оставлены незначительные силы — всего одна рота, имевшая в своем распоряжении два устаревших артиллерийских орудия системы Барановского. В период затишья гора Куинсан практически не была укреплена, если не считать завала из камней, едва прикрытых землей. Никаких укрытий от артиллерийского огня противника построено не было. На вершину горы вела крутая тропинка.

Подготовка контратаки на гору Куинсан осуществлялась медленно, а противник тем временем продолжал интенсивно укреплять ее. На вершине и скатах горы японцы устроили несколько рядов окопов, а также редут с бруствером. Окопы были возведены, кроме того, и на прилегающих к горе высотах. Таким образом, за неделю японцы превратили господ-

ствующую на окружающей местности гору Куинсан в хорошо укрепленную полевую позицию, которую занимало 7 пехотных батальонов.

Контратака на эту позицию должна была начаться в ночь с 20 на 21 июня (с 3 на 4 июля). 20 июня (3 июля) у противника были отбиты Большой перевал и гора Семафорная, а к исходу дня русские части заняли прежние позиции на восточном берегу бухты Лунвантан, за исключением горы Куинсан. Для непосредственной атаки на Куинсан были назначены сводная конно-охотничья команда 13-го полка и 5 рот 14-го полка численностью до 1300 человек под общим командованием полковника В. Савицкого. Наступление на гору Куинсан предполагалось вести одновременно в трех направлениях: с фронта и с обоих флангов. Соответственно этой диспозиции полковник Савицкий разделил подчиненные ему подразделения на три части. Штурм начался в полночь, но закончился безрезультатно. Между наступавшими колоннами отряда Савицкого не было никакой связи, войска вводились в бой по частям и разновременно.

Утром 21 июня (4 июля) штурм возобновился, но к полудню со всей определенностью выяснилось, что и эта атака не увенчалась успехом. Штурмующие колонны подошли к вершине горы Куинсан на 1000–1200, а местами даже на 400 шагов, охватив ее с севера, запада и юго-запада. Однако каждая попытка русских стрелков приблизиться к редуту на вершине встречалась сильным огнем противника.

Вследствие такого положения генерал Фок решил предварительно обстрелять вершину горы артиллерией, а затем начать третий штурм. Артиллерийская подготовка атаки, в которой участвовало 30 орудий, началась в 13 часов. К 15 часам в бухту Тахэ для поддержки атакующих с правого фланга из Порт-Артура прибыли крейсер «Новик», 3 канонерские лодки и несколько миноносцев и открыли огонь по левому флангу противника.

Однако артобстрел горы Куинсан и ближайших к ней позиций не принес желаемого результата, ибо основные укреп-

пленя противника остались неразрушенными и получили лишь незначительные повреждения. Японские стрелки укрылись в блиндажах, и, как только русская артиллерия замолчала, они вновь встретили цепи атакующих прицельным огнем. Все попытки захватить японский редут оказались безуспешными. К 18 часам начался ливень, а вместе с ним прекратились атаки и артиллерийский обстрел японских позиций. Русские войска в боях 20–21 июня (3–4 июля) потеряли убитыми и пленными 15 офицеров и 621 солдата. Потери противника, по различным данным, составили от 300 до 450 человек.

Неудачный исход боев за гору Куинсан объяснялся тем, что командование русских войск на Квантунском полуострове, и прежде всего генералы Стессель и Фок, не поняло важного значения этого опорного пункта в борьбе за подступы к Порт-Артуру и не укрепило его должным образом. Но и после потери горы Куинсан мероприятия по подготовке контратаки проводились медленно, что дало противнику возможность закрепиться.

Контратака, предпринятая в ночь на 21 июня (4 июля), проводилась без четкого плана и предварительной разведки. К тому же в ходе ее нарушилось взаимодействие наступающих колонн. Эти причины, а также несогласованность действий пехоты с артиллерией и силами флота обусловили неудачу последующих контратак, предпринятых утром и днем 21 июня (4 июля).

13(26) июля в 6 часов 30 минут японская артиллерия открыла огонь по всей передовой позиции русских войск и тотчас же под прикрытием артиллерийского огня пехота противника перешла в наступление. Потеснив русские сторожевые посты и направив главный удар против слабо укрепленного Большого перевала, японцы к полудню частично заняли его.

Потеря Большого перевала существенно ослабляла позиции русских войск, ибо противник выходил во фланг оборонительной линии на Зеленых горах и легко мог вынудить русское командование очистить эту позицию. Учитывая это об-

стоятельство, начальник 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал Р.И. Кондратенко отдал распоряжение о проведении контратак. К 19 часам 30 минутам противник был выбит с перевала, однако в 7 часов перевал снова был захвачен японцами.

Одновременно около 15 часов 13(26) июля японские части предприняли попытку овладеть левым флангом Зеленых гор, но все их атаки были отбиты и к 20 часам прекратились. В центре и на левом фланге атаки японцев оказались безуспешными. Им удалось приблизиться к передовым позициям русских войск всего на 500–600 шагов. Но исход боя решался на правом фланге, а боевая обстановка там складывалась не в пользу русского командования.

14(27) июля около 5 часов японская артиллерия вновь открыла массированный огонь, сосредоточив его главным образом против правого фланга русских передовых позиций. Положение там стало очень тяжелым, и в 24 часа Фок отдал распоряжение об оставлении передовых позиций и отступлении на Волчьи горы.

Потери русских войск за время двухдневных боев и отступления на Волчьи горы составили около 1500 человек. Противник потерял убитыми и ранеными до 6 тыс. человек.

Волчьи горы представляли собой ряд невысоких сопок, отстоящих от Порт-Артура на 7–8 км и огибающих крепость дугой общим протяжением до 18 км. Это была довольно сильная позиция, имевшая крутые склоны в сторону противника и позволявшая вести по всему фронту прицельный ружейный и артиллерийский огонь. Однако по вине Стесселя и Фока Волчьи горы не были должным образом укреплены, несмотря на неоднократные настоятельные напоминания генерала Кондратенко. В результате около 10 часов все части 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии отступили с Волчьих гор и вошли в район крепости.

За время боев на передовых позициях русские войска показали высокую боевую выучку и сумели нанести противнику значительные потери. С 12(25) мая по 17(30) июля японцы

потеряли убитыми и ранеными до 12 тыс. человек. Потери русских войск составили за это время около 5,3 тыс. человек. Такое соотношение свидетельствовало о том, что при активной обороне русские войска могли бы обескровить и надолго задержать противника на подступах к Порт-Артуру.

Весьма существенные недостатки, а зачастую полная тактическая безграмотность русского командования вскрылись в области военно-инженерного искусства. Английский военный обозреватель Б.В. Норригаард, находившийся в течение всего времени боев за Порт-Артур при штабе японской осадной армии, с недоумением писал по этому поводу: «Со времен осады Севастополя русские саперы считались наиболее искусными в мире, но кажется, что после Тотлебена фортификация была ими заброшена. Вполне сознавая важность полевых укреплений и пользуясь ими при каждом удобном случае, русские оказались, однако, не в курсе современного развития фортификационного искусства... Благодаря этому защитники имели мало шансов на успех против неприятеля, вооруженного новейшими меткими дальнобойными орудиями. Большинство своих окопов русские устраивали на гребне высот, где их ясно можно было различить на фоне неба и видеть отовсюду. Даже там, где окопы были на склонах гор или у подножия высот, их не старались скрыть... от неприятельского огня»⁹.

Подобным же образом обстояло дело и с крепостной артиллерией. Орудия устанавливались на открытых и необорудованных позициях, благодаря чему противник быстро подавлял русскую артиллерию. Отрицательно сказывалось на действиях крепостной артиллерии и отсутствие системы единого управления огнем. Лучше действовали батареи полевой артиллерии, которые начали осуществлять переход к более эффективному методу стрельбы с закрытых огневых позиций; при этом они наносили значительные потери не только пехоте, но и артиллерии противника.

С отходом русских войск с Волчьих гор закончились боевые действия на дальних подступах к Порт-Артуру, началась непосредственно оборона крепости.

За полгода, прошедшие с начала войны до обложения Порт-Артура японцами, в крепости были проведены большие оборонительные работы. Общая протяженность фронта обороны Порт-Артура составляла 29 км. Из них 9 км занимал Приморский фронт, на котором к 17(30) июля 1904 г. имелось 22 долговременные батареи. Они должны были прикрывать стоявшую на внутреннем рейде эскадру, крепость и город от бомбардировок флота противника. В промежутках между долговременными оборонительными сооружениями были устроены стрелковые окопы, прикрытые проволочными заграждениями, «волчьими ямами», а на отдельных, наиболее опасных участках зарытыми в землю фугасами. Впереди главной линии фортов находились передовые позиции, располагавшиеся по высотам Дагушань, Сяогушань, Панлуншань, Высокая, Длинная и Угловая, на которых были вырыты окопы и устроены полевые редуты. Центр обороны в районе деревни Шуйшиин прикрывали редуты Кумирненский, Водопроводный и Скалистый.

В тылу главной линии обороны наряду с Центральной оградой было оборудовано несколько десятков промежуточных батарей крепостной артиллерии и отдельных орудий с круговым обстрелом. На всех фортах, укреплениях и некоторых батареях были установлены прожекторы.

Сухопутный фронт обороны, в свою очередь, делился на три фронта, наиболее сильным из которых являлся 8-километровый Восточный (начальник генерал-майор В.Н. Горбатовский). Располагавшийся от горы Крестовой до долины реки Лунхэ, он включал в себя передовые позиции на горах Дагушань и Сяогушань, 3 долговременных форта (№ I, II, III), укрепление № 3 и две батареи (литеры «А» и «Б»), несколько временных укреплений и промежуточных батарей. В тылу Восточного фронта находилась так называемая Китайская стенка, или Центральная ограда. Для ликвидации мертвых пространств, имевшихся между фортами и впереди них, были сооружены полевые укрепления и окопы, с которых фланкировались ближайшие подступы к фортам.

Северный фронт (начальник полковник В.Г. Семенов) протяженностью 5,3 км от реки Лунхэ до горы Голубиная состоял из передовых позиций у Кумирненских холмов и Панлуншаня, форта № IV, укрепления № 4, двух долговременных батарей (литеры «В» и «Г») и нескольких временных укреплений. Укрепления Северного фронта располагались на труднодоступных высотах, с которых хорошо просматривалась впередилежащая местность. Наиболее слабым звеном сухопутной обороны Порт-Артура был Западный фронт (начальник полковник В.А. Ирман), имевший протяженность 6,7 км от горы Голубиная до горы Белый Волк. Передовые позиции находились на горах Высокая, Длинная, Угловая, Дивизионная и у Голубиной бухты. В этом секторе имелось всего два долговременных укрепления (№ 5 и батарея литера «Д»). Было запланировано сооружение форта № VI, но к 17(30) июля оно так и не было начато. Западный фронт прикрывали в основном лишь временные полевые укрепления.

Существенным недостатком в строительстве инженерных сооружений сухопутной обороны было то, что форты и укрепления зачастую не были применены к местности. Они располагались всего в нескольких километрах от города и гавани, а это не могло гарантировать жизненные центры крепости, штабы, склады и корабли эскадры от артиллерийского огня противника. Артиллерия ряда фортов и укреплений не могла обстреливать ближние подступы к крепости, а оборона флангов могла осуществляться лишь ружейно-пулеметным огнем. Кроме того, было мало дорог, чтобы маневрировать войсками и артиллерией.

На вооружении крепости к 17(30) июля находилось 646 орудий и 62 пулемета. В долговременных укреплениях и на полевых позициях было установлено 514 орудий различных калибров (в том числе 283 крепостных, 168 морских и 63 полевых орудия) и 47 пулеметов. На Приморском фронте располагалось 123 орудия и 5 пулеметов, в резерве — 9 орудий и 10 пулеметов¹⁰.

Однако недостаточно было тяжелых орудий. К тому же в подавляющем большинстве тяжелые орудия сухопутного фронта были устаревших конструкций, имели малую дальность стрельбы и не были пригодны для этой цели. Из 124 тяжелых орудий лишь 39 могли поражать дальнобойную осадную артиллерию противника. Артиллерия сухопутного фронта на 3/4 состояла из легких орудий, которые были эффективны лишь как противостурмовые средства для поражения пехоты и полевой артиллерии противника, но были почти непригодны в борьбе с осадной артиллерией крупных калибров.

К 17(30) июля в крепости находилось 274 558 гранат, шрапнелей и бомб, что в среднем на одно орудие составляло всего 425 снарядов. Но этого количества было недостаточно для длительной обороны в условиях большой напряженности и интенсивности боевых действий. Положение усугублялось еще и тем, что с выходом японских войск на Квантунский полуостров подвоз боеприпасов в Порт-Артур прекратился.

Подобным же образом обстояло дело и с другими видами довольствия. Запасов муки в крепости было на 168 дней, чумизы, пшеницы и кукурузы — на 127, сахара — на 169, сухарей — на 27, соли — на 200, мяса — на 20, овса, ячменя и бобов — на 155, сухих овощей — на 173 дня. Уже в июле вместо мяса войскам стали выдавать конину. Не было принято своевременных мер по организации рыбной ловли и посадке овощей.

В крепости не хватало погребов, что вызывало скорую порчу продуктов. Из-за отсутствия достаточного количества колодцев большие затруднения возникали в снабжении передовых позиций, фортов и укреплений водой.

Гарнизон крепости насчитывал 41 780 человек и состоял из 9 стрелковых полков 4-й и 7-й Восточно-Сибирских стрелковых дивизий, 3 запасных батальонов, 2 рот пограничной стражи, Квантунского флотского экипажа, сводной команды 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии и других отдельных рот и команд.

На Порт-Артур базировалась Тихоокеанская эскадра под флагом контр-адмирала В.К. Витгефта в составе 6 броненос-

цев, 5 крейсеров, 4 канонерских лодок, 2 минных крейсеров и 19 эсминцев, общая численность команд которых составляла около 12 тыс. человек¹¹.

Опасное положение крепости усугублялось крупными недостатками в управлении войсками.

Общее руководство обороной Порт-Артура должно было осуществляться комендантом крепости генерал-майором К.Н. Смирновым. Однако фактически старшим начальником в крепости продолжал оставаться А.М. Стессель, хотя Квантунского укрепленного района, начальником которого он был назначен в марте 1904 г., в июле, после отхода русских войск в Порт-Артур, уже не существовало.

Функции Стесселя, естественно, были исчерпаны. Еще в июне он получил от А.Н. Куропаткина приказ сдать командование коменданту крепости, а самому отправиться в Маньчжурию. Однако Стессель не выполнил этого указания, а случайно попавшую к нему копию приказа Куропаткина, адресованную Смирнову, утаил.

В результате этих преступных действий Стесселя в управлении крепостью и ее гарнизоном с самого начала обороны имелись существенные недостатки. В ходе обороны Порт-Артура часто оказывалось, что войска одновременно получали указания и от Стесселя, и от Смирнова. Иногда такие указания взаимно исключали друг друга. Комендант крепости Смирнов был фактически отстранен от исполнения своих прямых обязанностей.

В Порт-Артуре оказалось также два начальника артиллерии — генералы А.Ф. Белый и В.Н. Никитин — и два начальника санитарной части. Руководство общим резервом было возложено на начальника 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерала А.В. Фока.

Выдающуюся роль в организации обороны Порт-Артура сыграл начальник сухопутной обороны генерал-майор Р.И. Кондратенко.

В начале войны положение на сухопутном фронте крепости было критическим. Строительство многих фортификаци-

онных сооружений еще не было окончено, а некоторые из них существовали только в проектах. Глубокие и разносторонние знания командира и военного инженера, неиссякаемая энергия и инициатива, исключительный авторитет в войсках позволили Кондратенко фактически заново и в чрезвычайно сжатые сроки создать систему обороны крепости. За несколько месяцев для укрепления сухопутного фронта было сделано больше, чем за период с 1898 г.

Под руководством Кондратенко велись работы по усовершенствованию старых укреплений и возведению новых. Некоторые из вновь построенных долговременных и полевых фортификационных сооружений не были предусмотрены в свое время проектом К.И. Величко.

Вместе с тем Кондратенко понимал, что оборона Порт-Артура может быть успешной лишь при высоком моральном духе и инициативе солдат и офицеров. Он не упускал ни одного случая, чтобы отметить их героизм. Так, в приказе, объявленном 22 июля (4 августа), Кондратенко писал следующее: «17(30) июля части войск 4-й и 7-й дивизий выдержали славный, но неравный бой с противником на передовых позициях. Нас было только 17 000, а противник втрое сильнее — у него было 50 000; мы имели только полевую артиллерию, противник же имел кроме полевой еще осадную. Теперь, с отходом к крепости положение наше изменилось неизмеримо к лучшему, силы наши более чем удвоились; противник же, ослабленный предыдущими боями, едва ли мог значительно усилиться. Вместо скороспелых окопов, как то было на передовых позициях, мы имеем здесь преимущественно долговременные сооружения, обеспеченные со всех сторон от атаки; вместо тонких шрапнельных укрытий имеем во многих местах безопасные казематы и надежные блиндажи; кроме полевой артиллерии имеем здесь сильную крепостную артиллерию, увеличенную многочисленными орудиями флота. Поэтому если с передовых позиций мы еще могли податься к крепости, то теперь мы имеем полную возможность отразить и уничтожить врага. Никакой штурм нам

не может быть страшным, если мы решимся до конца выполнить данную нами присягу. Во время ночного штурма ни при каком положении не надо теряться: если случится где-либо частный прорыв противника между укреплений, то таковой равно ничего не значит, так как соседние форты обеспечены от атаки со всех сторон; против же прорыва у нас имеются всегда сильные резервы, которые успеют вовремя опрокинуть врага и закрыть прорыв. Необходимо во что бы то ни стало держаться на всех местах до дневного света. С рассветом же наш страшный ружейный и пушечный огонь отгонит не только шестидесятитысячную, но хотя бы и стотысячную вражью силу, после чего войска крепости перейдут в наступление и добьют дерзкого врага»¹².

По общему признанию, Р.И. Кондратенко пользовался огромным авторитетом среди личного состава гарнизона и был подлинной душой обороны Порт-Артура. Участник обороны Я.У. Шишко писал о Кондратенко: «В Артуре не было места, куда бы он ни заглянул, не было высоты, куда бы он ни поднялся, чтобы указать, где немедленно должны явиться форты, укрепления, батареи... Генерал Кондратенко для Артура был все: и сила, и душа, и мысль, и дух героизма»¹³.

Усилиями Кондратенко, солдат и офицеров гарнизона Порт-Артура город превратился в крепость, способную выдержать как ожесточенные штурмы неприятеля, так и долговременную осаду. Для организации обороны Порт-Артура можно было бы сделать и больше, если бы Стессель и Фок, познания которых в военном деле в целом и в военно-инженерном искусстве особенно едва ли находились на уровне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., не оказывали весьма сильного противодействия. Вот почему, несмотря на огромную работу, проведенную личным составом гарнизона Порт-Артура по организации обороны и приведению крепости в боевую готовность, здесь все же имели место большие упущения.

Отсутствовали укрытые от огня японской артиллерии пути сообщения, не было телеграфной связи с фортами и укрепле-

ниями, телефонные линии прокладывались по поверхности, что не могло гарантировать их сохранность и устойчивость в боевой обстановке. Крупным недостатком в организации связи являлось включение артиллерийских телефонных линий в общую сеть связи, что вызывало серьезные затруднения в управлении стрельбой. И только после начала боев за укрепления Порт-Артура генералу В.Ф. Белому удалось устранить этот недостаток.

Стессель и его окружение рассматривали оборону Порт-Артура вне связи с боевыми действиями Маньчжурской армии. Связь с ней была утрачена. Беспроволочный телеграф бездействовал, а аэростатов для того, чтобы наладить связь по воздуху, не было. Командование эскадрой со своей стороны также не принимало никаких мер для того, чтобы установить связь блокированной японскими войсками крепости с армией А.Н. Куропаткина.

Существенным упущением являлось то, что к 17(30) июля не было разработано плана обороны крепости, что неизбежно обрекало ее гарнизон на пассивность и ставило его деятельность в зависимость от намерений противника.

«...если бой делается неизбежным, то принимайте его с полной уверенностью в успехе»: боевые действия в Желтом море и Корейском проливе

После неудачной попытки прорваться во Владивосток 10(23) июня, окончившейся возвращением эскадры в Порт-Артур, адмирал В.К. Витгефт докладывал, что не считает более возможным без надежды на успех вступать в бой с превосходящими силами неприятельского флота. О своих дальнейших намерениях он сообщал командованию следующее: «Осмотревшись и выждав дальнейшего хода событий, действовать сообразно обстоятельствам».

Однако в ответ на эти туманные рассуждения он получил прямое указание наместника: тотчас же по исправлении по-

вреждений на броненосце «Севастополь» вновь предпринять попытку прорваться во Владивосток. Но Витгефт не верил в успех прорыва. Он медлил до тех пор, пока не получил приказа прорываться во Владивосток. «Гибель эскадры в гавани в случае падения крепости... — сообщили Витгефту из штаба заместника, — ляжет неизгладимым пятном на Андреевский флаг и на честь родного флота». Но ничего другого не оставалось делать, как подчиниться приказу и начать прорыв, в успех которого ни сам Витгефт, ни большинство командиров кораблей не верили.

Неудачная попытка прорыва 10(23) июня и продолжительное пребывание кораблей в базе почти без выхода в море отрицательно сказались на боеготовности русской эскадры. За это время в значительной мере был подорван моральный дух личного состава. Этому в первую очередь способствовал сам Витгефт, который не верил в силу эскадры и считал, что она при любых условиях непременно потерпит поражение. Поэтому при подготовке к прорыву он отказался от составления плана. Он не понимал, что при сложившейся обстановке прорыв кораблей без боя невозможен, что перед эскадрой надо было поставить конкретную задачу, указав, что бой — единственный способ ее решения. На вопросы командиров кораблей он отвечал общими фразами, обещая руководствоваться рекомендациями С.О. Макарова.

Первая Тихоокеанская эскадра, выведенная для прорыва, состояла из 6 эскадренных броненосцев, 4 крейсеров и 8 миноносцев. Выйти в море вместе с эскадрой не мог крейсер «Баян», двумя неделями раньше подорвавшийся на mine. Пришлось оставить в базе также канонерские лодки и большую часть миноносцев, которые не могли совершить такой длительный переход.

Японский флот имел в это время 4 эскадренных броненосца, 8 броненосных крейсеров, около 15 легких крейсеров и до 50 миноносцев. При этом японские броненосные крейсера не уступали в силе русским эскадренным броненосцам и могли вести с ними бой. Таким образом, адмирал Того имел пре-

восходство в броненосных кораблях. Перевес этот был еще большим, если учесть легкие крейсера и миноносцы и то обстоятельство, что русская эскадра не могла развить скорость более 14 узлов. Последнее обуславливалось тем, что машины «Севастополя» не могли дать больший ход, а корпуса броненосцев «Цесаревич», «Ретвизан» и «Победа» после подрыва на минах были не очень надежными.

Ослабила эскадру и помощь Порт-Артуру, куда посылали не только часть личного состава, но и артиллерию. Значительная часть корабельной артиллерии, приданная крепости, к моменту прорыва на корабли не была возвращена, что в известной мере отразилось на мощности артиллерийского огня эскадры.

28 июля (10 августа) с 4 часов 30 минут начался выход русской эскадры. Он продолжался в течение 4 часов. На внешний рейд вышли броненосцы «Цесаревич» под флагом контр-адмирала В.К. Витгефта (командир капитан 1-го ранга Н.М. Иванов), «Ретвизан» (командир капитан 1-го ранга Э.Н. Щенснович), «Победа» (командир капитан 1-го ранга В.М. Зацарённый), «Пересвет», на котором находился второй флагман эскадры контр-адмирал П.П. Ухтомский (командир капитан 1-го ранга В.А. Бойсман), «Севастополь» (командир капитан 1-го ранга Н.О. Эссен), «Полтава» (командир капитан 1-го ранга И.Н. Успенский); крейсера «Аскольд» под флагом контр-адмирала Н.К. Рейценштейна (командир капитан 1-го ранга К.А. Грамматчиков), «Паллада» (командир капитан 1-го ранга В.М. Сарнавский), «Диана» (командир капитан 2-го ранга А.А. Ливен), «Новик» (командир капитан 2-го ранга М.В. Шульц); эскадренные миноносцы «Выносливый» (брейд-вымпел капитана 2-го ранга Е.П. Елисеева), «Властный» (командир лейтенант А.А. Ковалевский), «Грозовой» (командир лейтенант А.А. Бровцын), «Бойкий» (командир лейтенант И.И. Подъяпольский), «Бесшумный» (командир лейтенант Д.Н. Максимов), «Бесстрашный» (командир лейтенант П.Л. Трухачев), «Беспощадный» (командир лейтенант Д.С. Михайлов), «Бурный» (командир лейтенант Н.И. Тыр-

ков). Вместе с боевыми кораблями из Порт-Артура вышло госпитальное судно «Монголия».

Стояло тихое, ясное утро. Ветер достигал 1 балла. На горизонте виднелись японские миноносцы. В 8 часов 15 минут русская эскадра в кильватерной колонне двинулась в направлении на мыс Ляотешань. В голове колонны шли эскадренные броненосцы, за ними — крейсера. На траверзе броненосцев держались эскадренные миноносцы. Через 30 минут Витгефт передал по эскадре приказ «приготовиться к бою», а затем было объявлено: «Флот извещается, что государь император повелел идти во Владивосток». В 10 часов 30 минут Витгефт отпустил тральщики и направил эскадру в море, положив курс 135 градусов.

Адмирал Того после 6 часов утра стал получать известия о выходе русских кораблей. Замысел Того состоял в том, чтобы охватить голову русской эскадры и сосредоточенным огнем по флагманским кораблям лишить ее управления. В 12 часов 20 минут японцы с дистанции 80 кабельтовых открыли огонь.

Когда дистанция уменьшилась до 65 кабельтовых, русские корабли открыли ответный огонь. Однако, вместо того чтобы решительно атаковать противника и тем самым обеспечить успех прорыва, русский командующий маневрировал, чтобы избежать боевых столкновений. При этом он жертвовал столь важными элементами, как выгодная позиция и курсовой угол.

Не лучше маневрировал и адмирал Того. Пытаясь охватить голову русской эскадры, он настолько неудачно рассчитал свой маневр, что вместо охвата головы русской эскадры оказался за кормой у нее. Неумело японцы использовали и свои крейсера, которые хотя и окружили русскую эскадру, но, не имея определенной задачи, даже и не пытались сковать ее боем и тем самым обеспечить удар главных сил своего флота. Русским кораблям удалось оторваться от противника. В 14 часов 30 минут сражение временно прекратилось. Через два часа японцы, имевшие преимущество в ско-

рости хода, догнали русскую эскадру и снова вступили в бой, во время которого осколком был убит Витгефт.

С гибелью Витгефта управление эскадрой было потеряно. Строй русских кораблей нарушился, каждое судно начало действовать самостоятельно. Подошла ночь. С наступлением темноты корабли противника прекратили огонь. В атаку против отходившей русской эскадры адмирал Того направил миноносцы, а сам с броненосными кораблями пошел в Корейский пролив. Атаки японских миноносцев из-за их слабой подготовки к ночным действиям носили нерешительный характер и не достигли своей цели.

10 из 18 вымпелов русской эскадры в составе 5 броненосцев, 1 крейсера и 4 эскадренных миноносцев вернулись в Порт-Артур. Остальные корабли, за исключением крейсера «Новик», имея повреждения, зашли в нейтральные порты, где были интернированы.

Русской эскадре не удалось решить поставленную задачу и прорваться во Владивосток. Одной из важнейших причин было отсутствие плана морского сражения. Перед командирами кораблей не было поставлено конкретных боевых задач. На случай выхода из строя флагмана не было предусмотрено передачи командования. Адмирал Витгефт не стремился к занятию выгодной для ведения боя позиции. Он делал все возможное, чтобы корабли эскадры уклонялись от боевых действий.

Витгефт тратил силы на отражение ударов противника, а не на выполнение главной задачи — выиграть бой. В итоге он не смог обеспечить прорыв и решить основную задачу флота, вытекавшую из общего стратегического плана войны с Японией, — разбить японский флот в морском сражении и завоевать господство на море.

В бою с русской стороны действовали главным образом эскадренные броненосцы. Крейсера и миноносцы не были использованы в полной мере. Личный состав русской эскадры проявил высокое мужество и стойкость. И только неумелые действия командующего эскадрой и его ближайших помощников не позволили решить поставленную задачу.

Тем временем для нарушения коммуникаций Японии на театре военных действий мог быть использован отряд крейсеров, базировавшийся во Владивостоке. Этот отряд состоял из трех броненосных крейсеров («Россия», «Рюрик» и «Громобой») и одного крейсера («Богатырь»)¹⁴.

В соответствии с планом войны перед Владивостокским отрядом крейсеров ставилась задача — действиями в Японском море отвлекать неприятельский флот с главного театра — Желтого моря¹⁵. Поставленная задача могла быть решена двумя способами: действиями против воинских перевозок противника или же созданием реальной угрозы торговым путям сообщения Японии. Однако действия как против воинских, так и против коммерческих перевозок противника были связаны с большими трудностями. В первом случае русские корабли должны были проникать в Корейский пролив, т.е. зону, которую неприятельский флот усиленно охранял; во втором случае — удаляться от Владивостока не менее чем на 1000–1500 миль. В обоих случаях крейсера подвергались серьезному риску быть отрезанными превосходящими силами противника от Владивостока и вести бой в крайне невыгодных для себя условиях. В связи с этим русское командование специальной инструкцией первоначально ограничило район действий крейсеров пределами Японского моря.

Боевая деятельность Владивостокского отряда крейсеров и миноносцев на морских сообщениях противника началась с первых же дней войны и продолжалась до августа 1904 г. За это время русские крейсера и миноносцы совершили семь выходов. Каждый поход крейсеров продолжался от пяти до семи суток, и только в одном случае они провели в море 16 дней.

Первое время крейсера действовали в пределах Японского моря, главным образом у восточного побережья Кореи и вдоль западного побережья Японии. Но т.к. действия русских кораблей в указанных районах не привели к положительным результатам, то русское командование летом 1904 г. перенесло действия крейсеров в район Корейского пролива

и в Тихий океан, где они добились более существенных результатов.

Из всех походов, совершенных в Японском море, наиболее успешным был набег крейсеров на коммуникации противника в районе Корейского пролива. Во время этого похода, продолжавшегося с 30 мая (12 июня) по 6(19) июня, русские крейсера в районе острова Цусима атаковали и уничтожили два японских транспорта с войсками и вооружением, один транспорт вынудили выброситься на камни и захватили английский пароход с военной контрабандой¹⁶. На одном из потопленных транспортов находилась осадная артиллерия (280-миллиметровые гаубицы), предназначенная для действий против Порт-Артура, что задержало обстрел японцами внутреннего порт-артурского рейда более чем на месяц¹⁷.

Когда войска противника блокировали Порт-Артур и объем японских морских перевозок в Корею и Маньчжурию значительно увеличился, создались благоприятные условия для продолжения боевых действий Владивостокского отряда.

Успешные действия Владивостокского отряда заставили японцев использовать для отправки грузов в Корею и Маньчжурию восточные порты страны, из которых транспорты шли в порты назначения более безопасным, но более длинным путем — через Желтое море. Русское командование учло это обстоятельство. Адмирал Иессен получил указание начать борьбу на тихоокеанских коммуникациях противника. 17(30) июля 3 русских крейсера, «Россия», «Громобой» и «Рюрик», через Сангарский пролив вышли в океан. Спустившись до 34-й параллели, отряд повернул обратно. За время крейсерства было потоплено 8 вражеских судов, а германский пароход «Арабия» и английский пароход «Калхас» с контрабандными грузами были направлены во Владивосток.

1(14) августа русские крейсера вернулись на базу, пройдя за 16 суток более 3 тыс. миль. Хотя ни один вражеский боевой корабль или крупный транспорт за это время не был уничтожен, сам факт появления русских крейсеров в Тихом океане близ японских берегов вызвал панику как в Японии, так

и в странах, поддерживавших ее. Дело дошло до того, что ряд судоходных иностранных компаний, опасаясь понести потери, прекратили рейсы в Японию.

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Владивостокский отряд кораблей, имея против себя более сильного противника, все же смог нанести торговому судоходству Японии некоторые потери и отвлек часть сил японского военно-морского флота от Порт-Артура. Однако отряд не имел четко разработанного плана боевых действий, высылался в море не систематически, а эпизодически. При более эффективном использовании действия Владивостокского отряда на морских коммуникациях Японии могли бы нанести противнику большие потери.

Бой в Желтом море явился первым крупным сражением броненосных эскадр в открытом море во время Русско-японской войны. В нем проверялись тактика ведения боя броненосными кораблями, использование артиллерийского оружия, средства защиты корабля, средства связи и способы управления силами в бою.

С точки зрения развития военно-морского искусства этот бой показал:

- значительное увеличение начальной боевой дистанции — с 30 до 80 кабельтовых и дистанции решительной артиллерийской атаки — с 15 до 45 кабельтовых;
- решающую роль крупнокалиберной артиллерии в бою броненосных кораблей на больших дистанциях;
- большое значение толстой брони (броненосец «Микаса» получил 22 попадания снарядов крупного калибра, но не потерял боеспособности);
- важность преимущества в эскадренной скорости. Именно это позволило японцам догнать русские корабли, когда они временно оторвались и ушли вперед, и снова навязать им бой;
- решающее значение управления силами в бою и надежной связи; отсутствие того и другого в русской эскадре послужило одной из причин неуспеха в бою; назрела необходи-

мость создания штаба как органа управления силами при командующем соединением кораблей¹⁸.

После боя в Желтом море русская эскадра, по существу, распалась и уже не могла решать задачи активной борьбы с неприятельским флотом. Корабли, вернувшиеся в Порт-Артур, стали придатком крепости и были использованы для усиления обороны базы. Японский флот полностью завладел морем и мог совершенно беспрепятственно перевозить свои войска и все виды снабжения для них на материк.

**«Сегодня пошел одиннадцатый месяц осады...
держимся исключительно каким-то чудом»:
Порт-Артурская страда и последние дни обороны**

К 17(30) июля в состав 3-й японской армии, обложившей Порт-Артур, входили 3 пехотные (1-я, 9-я, 11-я) дивизии, 2 резервные пехотные (1-я и 4-я) бригады и 2-я полевая артиллерийская бригада. Общая численность армии достигала 48 тыс. человек при 386 орудиях, в том числе 198 орудий среднего и крупного калибров. Части японской армии располагались следующим образом: 11-я дивизия занимала полосу от бухты Тахэ до железной дороги; 9-я дивизия — от железной дороги и далее вдоль по южным склонам Волчьих гор до Мандаринской дороги; 1-я дивизия — от Мандаринской дороги до бухты Луизы; 4-я и 1-я резервные пехотные бригады находились во второй линии.

Заняв Волчьи горы, японские войска тотчас же приступили к инженерным работам по укреплению своих позиций и обеспечению путей сообщения. По требованию главной ставки в Токио, нуждавшейся в скорейшем овладении Порт-Артуром для усиления японских армий, действовавших в Маньчжурии, генерал Ноги решил, подобно тому как это было в 1894 г., во время японо-китайской войны, овладеть крепостью в результате ускоренной атаки, для которой был избран участок обороны русских войск от форта № III до батареи литеры «Б».

Этот участок Восточного фронта был несколько выдвинут вперед, что позволяло охватить его с фронта и флангов осадными батареями и вести прицельный огонь. Перед укреплениями, избранными для атаки, находилось немало облегчавших доступ к ним мертвых пространств в виде рытвин, промоин и водостоков.

С целью прорыва русской обороны на Восточном фронте японцы провели ряд наступательных операций с 25 июля (7 августа) по 27 июля (9 августа) и захватили горы Сяогушань и Дагушань. Потери японцев в боях составили 1280 человек убитыми и ранеными, русские войска потеряли 450 человек.

Захват японцами гор Дагушань и Сяогушань лишал Порт-Артур важнейших передовых позиций и давал возможность установить свои осадные батареи для обстрела Восточного фронта сухопутной обороны крепости. Генерал Смирнов хорошо понимал это. Он намеревался контратаковать противника и вернуть утраченные позиции. Но несколько контратак, предпринятых в последующие дни незначительными силами, были легко отбиты.

Овладев горами Дагушань и Сяогушань, японские войска получили хорошие подступы к Восточному фронту и начали устанавливать на занятых позициях осадную артиллерию для обстрела правого фланга сухопутной обороны Порт-Артура.

31 июля (13 августа) в 20 часов 30 минут превосходящие силы японцев начали наступление на передовые позиции Западного фронта. Несмотря на упорную оборону и острые контратаки, русские пехотинцы понесли большие потери и вынуждены были отступить. Тем не менее дальнейшее продвижение противника на левом фланге сухопутной обороны Порт-Артура было временно приостановлено, что дало Р.И. Кондратенко возможность усилить линию обороны к югу от сопки Трехголовая²⁵.

Упорная оборона русскими войсками передовых позиций Порт-Артура, как и вся борьба за Квантунский полуостров, в ходе которой 3-я японская армия понесла довольно ощутимые потери, весьма озадачила японское командование.

В штабе армии Ноги и в Токио не без основания предполагали, что дальнейшие бои за Порт-Артур будут стоить еще больших жертв и существенно отразятся на моральном состоянии японских войск. В этой связи, прежде чем начать общий штурм, командующий 3-й японской армией генерал М. Ноги и командующий японским флотом адмирал Х. Того направили в 10 часов утра 3(16) августа в распоряжение Порт-Артура парламентаря с письменным предложением сдать крепость без боя и выпустить из нее всех жителей города.

На состоявшемся в тот же день заседании Совета обороны было принято решение отклонить ультиматум, а утром следующего дня японскому командованию был передан ответ следующего содержания: «Предложение сдать крепость, как несовместимое с честью и достоинством русской армии и не оправдываемое настоящим положением крепости, не может быть предметом обсуждения».

4(17) же августа Ноги отдал приказ относительно общего штурма, начало которого было назначено на 5(18) августа. Однако после прошедшего сильного дождя почва стала вязкой и затрудняла движение, поэтому начало штурма было отложено на следующий день.

Общий план атаки укреплений Порт-Артура, разработанный японским командованием, сводился к следующему: 6(19) августа начать бомбардировку всего сухопутного фронта, затем под прикрытием бомбардировки предпринять демонстративное наступление на передовые позиции Западного фронта, а немного позднее начать вспомогательную атаку передовых позиций и, наконец, на рассвете 8(21) августа нанести главный удар по Восточному фронту. Для осуществления штурма выделялись все войска осадной армии, за исключением 4-й резервной бригады, являвшейся резервом командующего.

Около 4 часов 30 минут в центре японских позиций раздался одиночный пушечный выстрел, явившийся сигналом к началу ожесточенного обстрела всего сухопутного фронта русской обороны. Вскоре под прикрытием огня артиллерии первые колонны японцев двинулись против горы Угло-

вая и центра Западного фронта. Укрепления Угловой состояли из простых стрелковых окопов, опоясывавших ее вершину. Здесь оборонялись 6 стрелковых рот при поддержке огня 7 батарей, вооруженных 16 орудиями. Движение противника было своевременно обнаружено и его атака отражена.

Около 7 часов, когда огонь русских батарей ослаб, японцы снова начали наступление и, несмотря на сильный ружейный огонь русских, к 8 часам заняли часть окопов перед левой вершиной горы, обороняемой 10-й ротой 5-го полка. Затем японцы пытались захватить другие участки окопов, но потерпели неудачу. «5-й полк стоит, как скала», — доносил коменданту крепости генерал Кондратенко, прибывший в 9 часов на Угловую и непосредственно возглавивший ее оборону.

Уже в первый день бомбардировки укрепления Восточного фронта были сильно разрушены, часть орудий разбита, нарушилась телефонная связь между укреплениями и батареями. Артиллерийский обстрел, хотя и не такой интенсивный, как днем, продолжался и ночью. Несмотря на это, защитники Восточного фронта исправляли повреждения в своих укреплениях.

Тем временем японцы, тщательно укрываясь в многочисленных оврагах, рывтинах и зарослях гаоляна, продвигались к линии фортов. Их передовые части старались уничтожить находившиеся под током проволочные заграждения, разрезая их клещами и набрасывая на проволоку специальные крючки, отводившие ток в землю.

На рассвете 7(20) августа огонь вновь усилился. Особенно ожесточенному обстрелу подверглись редуты № 1 и 2 с прилежавшими к ним батареями, а также форты № II и III. Несколько позже японская артиллерия сосредоточила свой огонь на Китайской стенке, стараясь пробить в ней брешь. Бомбардировка снова продолжалась весь день, но к ночи стрельба начала утихать.

Разрушения, произведенные на укреплениях Восточного фронта в результате нового обстрела, были еще более существенными, чем накануне. Так, гарнизону форта № II были

нанесены тяжелые потери в личном составе и в материальной части: сильно повреждены казармы, подбито два противоштурмовых орудия из имевшихся четырех, почти полностью разрушен только что восстановленный левый фас бруствера, а на правом фесе сбиты все противощрапнельные прикрытия. Сильно пострадало укрепление № 2, а редут № 1 был совершенно разрушен.

Стойкость защитников редута вызвала изумление противника. Японская официальная история следующим образом оценила действия русских, оборонявших укрепления Восточного фронта: «Неприятель не только упорно оборонялся, но, внезапно окружив нас с фронта, с флангов и с тылу, осыпал снарядами и пулями. Наша штурмовая колонна едва не была целиком уничтожена; обе дивизии снова во второй и третий раз пытались посылать на штурм оставшиеся войска и резерв, но решившийся защищать свои укрепления до последней капли крови неприятель сражался изо всех сил; все доблестные атаки наших войск не только не достигали своей цели, но вскоре обе дивизии потеряли между собою связь, и бой постепенно становился все труднее».

В то время, когда солдаты и офицеры гарнизона отражали ожесточенные атаки японцев, А.М. Стессель 9(22) августа в 19 часов созвал заседание Совета обороны, на котором были рассмотрены «вопросы о недостатках крепости Порт-Артур, затрудняющих ее оборону». Начальник сухопутной обороны Р.И. Кондратенко, непосредственно руководивший всеми боевыми действиями, не был даже приглашен на это заседание. О содержании заседания Совета обороны, констатировавшего серьезные проблемы в обороне крепости, было немедленно сообщено по телеграфу в Мукден (в штаб заместителя адмирала Е.И. Алексеева), а оттуда — военному министру генерал-адъютанту В.В. Сахарову. Последний, прочитав это сообщение, наложил следующую резолюцию: «Читал. К чему это?» Начальник главного штаба генерал-лейтенант П.А. Фролов тут же заметил: «Это, к величайшему горю, оправдательный акт, быть может, предстоящей сдачи крепости и поучение для

будущих поколений и времен, как тщательно надо изучать местность, чтобы проектировать укрепления»¹⁹.

Днем 11(24) августа японское командование после нескольких дней ожесточенных боев убедилось в невозможности взять русскую твердыню ускоренной атакой. В 16 часов генерал Ноги отдал приказ частям 3-й армии прекратить штурм и закрепиться на занятых позициях.

В результате августовского штурма японцам удалось лишь в отдельных местах вклиниться в главную линию обвода крепости и захватить гору Угловая, редуты Панлуншаньский, № 1 и 2, являвшиеся важными опорными пунктами в промежутке между фортами № II и III. Их войска только при атаках Восточного фронта потеряли около 15 тыс. человек, а всего — до 20 тыс. Потери русских войск составили более 6 тыс.

Отражение ускоренной атаки было первым успехом русского оружия на всем театре военных действий, ошеломившим противника, упоенного предыдущими победами. Надежды японского командования на скорейшее освобождение армии Ноги и ее переброску в Маньчжурию в целях разгрома основных сил русской армии разбились о героизм защитников Порт-Артура. Это обстоятельство имело большое моральное значение. Солдаты и офицеры гарнизона убедились в том, что силы и энергия японцев далеко не беспредельны и что упорной, стойкой обороной крепости можно остановить даже превосходящие силы осадной армии противника.

В то же время неудача первого штурма и большие потери существенно отразились на боеспособности японской армии. В дни ожесточенных августовских боев имели место отдельные случаи отказов японских солдат идти в наступление, неповиновения и даже убийства офицеров, а в ночь на 11(24) августа в 8-м резервном полку произошел открытый бунт, вызвавший большую тревогу японского командования²⁰.

Важнейшей причиной неудачи ускоренного штурма явилась переоценка японским командованием сил своей армии и недооценка боевых возможностей гарнизона Порт-Артура. Английский военный обозреватель Б.В. Норригаард, нахо-

дившийся в те дни в штабе армии Ноги, уже после окончания Русско-японской войны отмечал: «Теперь, ознакомившись с данными о могуществе крепости, можно прийти к заключению, что овладеть ею в такой короткий срок не было надежды и всякая попытка в этом смысле кажется невероятной. Приходится удивляться, каким образом обыкновенно отлично осведомленный японский разведочный отдел не сумел оценить неизмеримо сильные ресурсы крепости и не предупредил такой рискованный шаг... Японцы сделали ошибочный расчет крепости и твердости материала, который они собирались раздавить»²¹.

Японское командование не сумело организовать одновременную атаку на широком фронте, с тем чтобы распылить силы войск, оборонявших крепость. Вместе с тем активные действия японцев в центре и на левом фланге вскоре прекратились, и в кульминационный момент штурма все их усилия оказались сосредоточенными против небольшого участка Восточного фронта протяженностью около 1 км.

Августовский штурм Порт-Артура свидетельствовал об исключительно возросшей роли тяжелой артиллерии и пулеметов. Тяжелая артиллерия подавляла огонь обороны и наносила разрушения фортам и укреплениям. Так, японцам удалось захватить гору Угловая, редуты Панлуншаньский, № 1 и 2 лишь после их полного разрушения. При отражении японских атак защитники крепости использовали скорострельные малокалиберные пушки, винтовки и пулеметы. Особенно велика была роль пулеметов, огонь которых наносил противнику значительные потери, а иногда и вовсе останавливал его продвижение.

Многие бои за те или иные укрепления заканчивались рукопашными схватками. При атаках и контратаках подразделения обеих сторон, используя складки местности, укрывались от огня, перебежками накапливались в мертвых пространствах на склонах гор и в оврагах. Сильно пересеченная местность и заросли гаоляна, не уничтоженные своевременно на участках обороны, способствовали скрытному передвиже-

нию и сосредоточению японских войск. При отражении ночных контратак русские войска применяли прожекторы, ослеплявшие солдат противника и способствовавшие точности артиллерийского и ружейно-пулеметного огня. В ночных боях японцы применяли светящиеся ракеты, а в ближнем бою — ручные бомбочки.

Значительную роль в отражении первого штурма сыграли личный состав и артиллерия эскадры, возвратившейся в базу после неудачной попытки прорыва во Владивосток. Именно накануне и в начале штурма особенно остро встал вопрос о максимальном использовании сил эскадры для дальнейшей обороны крепости. В это время командир броненосца «Ретвизан» капитан 1-го ранга Э.Н. Щенснович представил временно исполнявшему обязанности командующего эскадрой контр-адмиралу П.П. Ухтомскому докладную записку, в которой говорилось о невозможности прорыва эскадры в полном составе. Автор записки полагал целесообразным организовать прорыв отдельных кораблей. В случае отказа от дальнейших попыток прорыва Щенснович предлагал блиндировать корабли и примкнуть их к мелям, оставив на них минимальные команды для организации перекидной стрельбы, а остальными силами оказать помощь сухопутным войскам.

Совещание флагманов и командиров кораблей 1-го ранга, состоявшееся 6(19) августа, единогласно признало, что эскадра не сможет прорваться во Владивосток. Большинство участников совещания отрицательно отнеслись и к возможности прорыва отдельных кораблей. Совещание приняло решение использовать личный состав эскадры, ее артиллерию и боеприпасы на сухопутном фронте, а сами корабли готовить для ведения боя на якоре.

Исходя из этого, перед кораблями были поставлены задачи по обстрелу сухопутных позиций противника перекидным огнем непосредственно из гавани и с моря (для чего планировались выходы отдельных кораблей), по постановке мин в районе действия блокирующих кораблей противника, посылке миноносцев для разведки и атак японских кораблей³⁰.

В последующие дни с кораблей и из порта было передано на фронты сухопутной обороны крепости 120 орудий различных калибров, включая 6-дюймовые, и значительное количество боеприпасов. Для обслуживания переданных орудий были выделены команды из состава экипажей кораблей.

На кораблях началось формирование десантных рот, которые направлялись на усиление различных участков сухопутной обороны. Во время первого штурма крепости 8(21) августа с эскадры было свезено на берег и направлено на передовые позиции 7 десантных рот общей численностью 2267 человек.

Корабли приняли также непосредственное участие в отражении японских атак, обстреливая позиции и штурмовые колонны. Перекидной огонь с броненосцев, стоявших в гавани, корректировался с берега и наносил противнику большие потери. Артиллеристы броненосца «Ретвизан», например, своим огнем взорвали японский пороховой погреб и подавили несколько батарей. Весьма эффективным был огонь и с других кораблей.

Оказывая помощь гарнизону Порт-Артура, командование эскадры принимало меры и по борьбе с блокирующими кораблями противника. Так, 6(19) августа миноносец «Скорый» поставил 14 мин в районе острова Кэп, который часто посещался японскими кораблями³¹.

С 12(25) августа в районе Порт-Артура наступило относительное затишье. Обе стороны прекратили атаки. Японская артиллерия вела лишь методический обстрел русских оборонительных позиций, города и порта. Провал первого штурма вынудил японское командование перейти к длительным осадным работам на всем протяжении сухопутного фронта обороны.

В качестве главного направления постепенной атаки был избран участок Восточного фронта от батареи литеры «Б» до укрепления № 3. В деревне Тюйдатунь сосредоточивались большие запасы различных строительных материалов и шанцевого инструмента. Уже 12(25) августа японцы зало-

жили первую параллель против промежутка между фортами № II и III.

Во всех деревнях в тылу армии и непосредственной близости от передовых позиций были устроены склады боеприпасов, продовольствия и другого военного имущества. Телефонное сообщение связывало все батареи, штабы и наблюдательные пункты между собой и со штабом армии. В начале сентября в 3-ю японскую армию прибыло около 15 тыс. новобранцев и резервные батальоны. Таким образом, потери, понесенные во время августовских боев, были восполнены. Пополнился также и парк японской осадной артиллерии.

Гарнизон Порт-Артура в это время проводил усиленные работы по восстановлению и укреплению своих позиций и усилению крепости артиллерией. Генерал Кондратенко лично осмотрел наиболее пострадавшие от огня вражеской артиллерии укрепления Восточного фронта и наметил ряд мероприятий по их исправлению и улучшению. Защитники крепости, используя временно наступившее затишье, заделывали бреши в Китайской стенке, утолщали бруствера, устраивали проволочные заграждения, сооружали новые траншеи, окопы и укрытия для личного состава. Перед укреплениями, где имелись мертвые пространства, закладывались фугасы. Кроме того, начались инженерные работы впереди Китайской стенки с целью задержать продвижение подкопов противника в этом направлении.

Широкое распространение среди гарнизона крепости получило в это время изобретательство. Оборонявшиеся приступили к изготовлению ручных гранат, в эффективности которых гарнизон крепости убедился на собственном опыте во время первого штурма. В артиллерийской мастерской Порт-Артура в августе были сконструированы первые образцы минных мортир. Для их изготовления использовались метательные минные аппараты, состоявшие на вооружении паровых катеров и метавшие с помощью пороховых зарядов мины калибром 225 мм и весом 75 кг, а также гладкостволь-

ные медные гаубицы, стволы которых укорачивались и устанавливались на деревянных стойках. Для этих мортир применялись мины весом около 8 кг, также выпускаемые артиллерийской мастерской.

Наряду с минными мортирами рабочие, инженеры и техники той же мастерской сконструировали аппараты для метания шестовых мин. Создание и эффективное применение минных мортир защитниками Порт-Артура для разрушения полевых укреплений противника и поражения его живой силы в укрытиях свидетельствует о зарождении нового вида оружия — минометов.

Совершенствовались также и управление огнем артиллерии. Для каждого фронта сухопутной обороны были назначены начальники артиллерии и при них созданы штабы. Начальниками артиллерии фронтов стали наиболее опытные артиллеристы: Восточного — полковник Б. Мехмандаров, Северного — капитан В.К. Журавский, Западного — подполковник Н.А. Романовский. Управление огнем батарей Приморского фронта осуществлялось непосредственно начальником артиллерии крепости генералом В.Ф. Белым и его штабом. Эти мероприятия способствовали централизации управления огнем и позволяли вести более эффективную борьбу с артиллерией противника и наносить его пехоте большие потери.

В целом к концу августа — началу сентября крепость, получив подкрепления с кораблей эскадры и исправив разрушенные укрепления, смогла полностью восстановить свою боеготовность и была не менее сильна, чем накануне первого штурма.

Восполнив свои потери, командующий 3-й японской армией генерал Ноги 18(31) августа принял решение возобновить активные действия против крепости. Новый штурм предполагалось направить не против главной линии укреплений Порт-Артура, а против передовых позиций Северного и Западного фронтов, расположенных на горах Высокая и Длинная, у Кумирненского и Водопроводного редутов, овладение которыми было крайне необходимо японцам для

того, чтобы приблизить свои осадные работы к линии фортов. Таким образом, второй штурм планировалось осуществить в виде двух одновременных атак на пункты, далеко отстоящие один от другого. Японские войска на направлениях планируемых ударов имели примерно трехкратное превосходство над оборонявшимися, а на отдельных участках — десятикратный перевес.

Новый штурм был назначен на 6(19) сентября. В 12 часов 40 осадных орудий и 48 полевых горных орудий начали бомбардировку Водопроводного и Кумирненского редутов и других укреплений Северного фронта. Особенно интенсивному обстрелу подвергся Водопроводный редут, по которому было выпущено около 1 тыс. снарядов. В 18 часов бомбардировка Водопроводного редута прекратилась, и японская пехота тотчас же пошла в атаку, буквально забрасывая оборонявшихся ручными бомбочками. Солдаты 11-й роты 26-го полка во главе с поручиком Длусским мужественно защищались. Уже через час ожесточенного боя в гарнизоне редута насчитывалось не более 30 человек.

В течение вечера и ночи на редут прибыли четыре стрелковые роты и рота пограничной стражи. Бой не прекращался всю ночь. Противник все время бросал в атаку свежие резервы. Положение защитников Водопроводного редута становилось критическим: иссякли запасы гранат и патронов, на развалинах редута оборонялись всего 11 измотанных солдат во главе с начальником пограничной стражи подполковником П.Д. Бутусовым. Стало совершенно очевидным, что далее удерживать редут невозможно. В 5 часов 7(20) сентября генерал Кондратенко приказал оставить его.

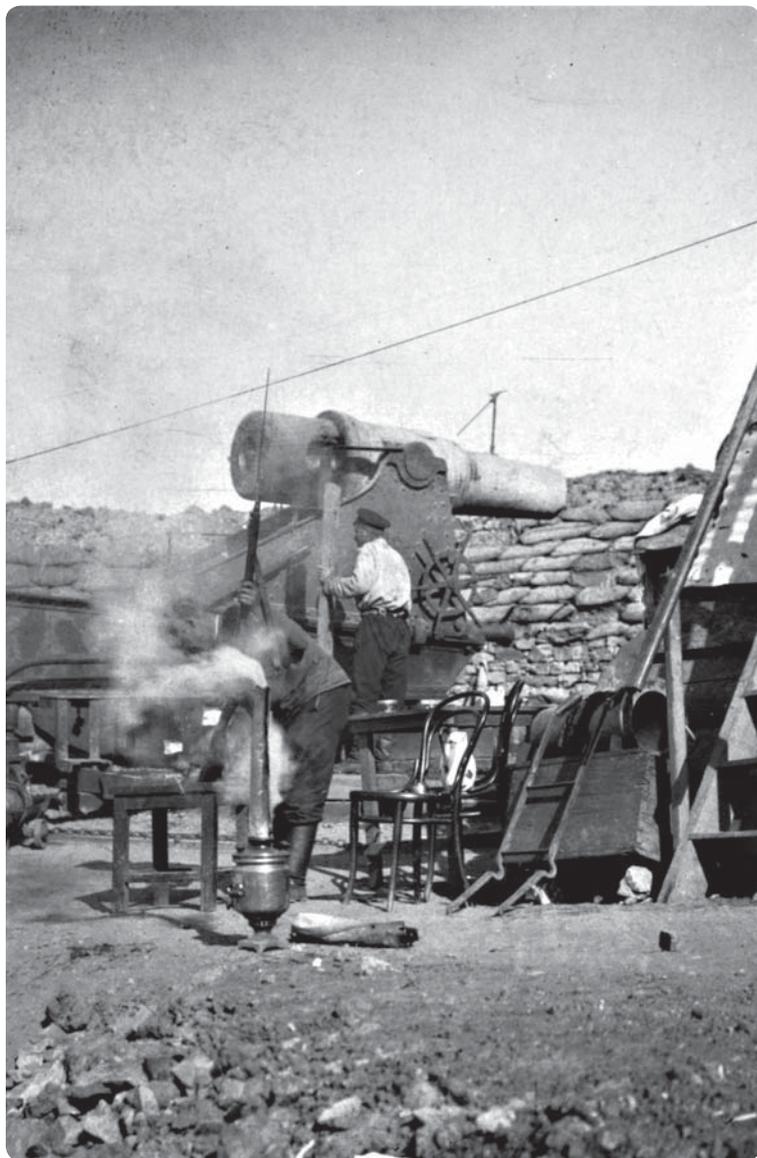
Ожесточенный бой за Кумирненский редут начался в 16 часов 6(19) сентября. На рассвете следующего дня артиллерийский обстрел редута возобновился. Бомбардировка продолжалась два часа. Более двух батальонов наступали одновременно с фронта и с обоих флангов, стараясь окружить редут. Вскоре японские солдаты, наступавшие с фронта, ворвались в наружный ров редута и забросали его защитников ручными бом-

бочками. Другой отряд японцев обошел редут с правого фланга. Попытка выбить противника из редута не увенчалась успехом. Около 10 часов 7(20) сентября Кумирненский редут и соседние с ним окопы были оставлены русскими войсками.

Одновременно со штурмом Водопроводного и Кумирненского редутов упорные бои разгорелись за горы Длинная и Высокая. Ранним утром 6(19) сентября в этом районе наблюдалось передвижение японских войск. 7(20) сентября после сильнейших артобстрелов и тяжелых боев с противником русские войска оставили позиции на горе Длинная. Последними оставили свои позиции 46 моряков во главе с подпоручиком Седльницким²². Вместе с тем все атаки противника на гору Высокая и второй штурм Порт-Артура 10(23) сентября были отбиты окончательно. При этом японцы потеряли около 7,5 тыс. человек, захватив лишь Кумирненский и Водопроводный редуты и гору Длинная. Главный объект атак, гора Высокая, устоял. Потери русских войск не превысили 1,5 тыс. человек.

Вместе с тем переход горы Длинная в руки японцев имел весьма серьезные последствия. Прежде всего они приобрели удобный и близкий исходный пункт для постепенной атаки на горы Высокая и Плоская. С вершины Длинной открывался вид на значительную часть внутреннего рейда. Установив на вершине наблюдательный пост, японцы тотчас же стали обстреливать корабли эскадры. При этом огонь был гораздо эффективнее, чем раньше. Правда, после того как русские приблизили корабли к берегу, попадания стали реже.

Неудача второго штурма не поколебала уверенности японского командования в успехе, подогревавшемся многочисленными милитаристскими демонстрациями, проходившими в те дни в японской столице. Английский военный агент Д. Джемс сообщал: «Уличная толпа не переставала кричать, что надо сделать так, чтобы Порт-Артур пал; как это исполнить точно, не указывалось, но он должен был пасть, и немало триумфальных арок из зелени пожелтели и засохли, пока он все падал»²³.

Раннее утро на русской батарее во время осады

Осадные работы, не прекращавшиеся в дни сентябрьского штурма, продолжались после его окончания с еще большей настойчивостью. Командующий М. Ноги, не желая более расплющить свои силы, избрал для следующей атаки один Восточный фронт. Главными объектами нового штурма были намечены форт № III и укрепление № 3, к которым спешно прокладывались передовые японские параллели. Уже 10(23) октября они находились на расстоянии до 50–100 м.

Одновременно с усиленными инженерными работами японцы вели интенсивный артиллерийский обстрел крепости. Артиллерия должна была пробить в укреплениях бреши для штурмовых колонн и уничтожить средства защиты.

Продвижение японцев вперед с помощью параллелей и апрошей сопровождалось частыми атаками с их стороны. Японскому командованию казалось, что теперь путь для дальнейшей успешной атаки на главную линию фортов Восточного фронта был проложен. 12(25) октября была отдана диспозиция для штурма. С утра 13(26) октября началась усиленная бомбардировка укреплений Восточного фронта, города и порта. В бомбардировке участвовали все осадные орудия 3-й японской армии и 18 11-дюймовых гаубиц. Сосредоточенный огонь 11-дюймовых гаубиц, 6-дюймовых мортир, пушек и метательных мин нанес значительные повреждения оборонительным сооружениям. Были разрушены многие стрелковые окопы, бруствера фортов и укреплений, повреждены многие орудия.

Всего через три часа после начала штурма все атаки японцев на главных направлениях были отражены. Им удалось закрепиться лишь в открытом капонире № 2. Огонь японской артиллерии постепенно стал стихать, а в 15 часов 35 минут совершенно прекратился. Остатки штурмовых колонн отступали разрозненными группами к своим исходным позициям, поражаемые огнем с укреплений Восточного фронта. Убедившись в полном провале штурма, Ноги отказался от введения в дело двух резервных колонн и остальных сил осадной армии.

В последующие дни гарнизон Порт-Артура ожидал возобновления штурма, но противник ограничился лишь артиллерийской бомбардировкой. Подарка ко дню рождения микадо так и не получилось.

Неудача октябрьского штурма вынудила японское командование в более широких масштабах прибегнуть к подземным работам для сближения с русскими фортами и укреплениями с целью подготовить таким образом выгодные исходные позиции для очередного штурма крепости. Начался новый период в битве за Порт-Артур — период так называемой минной войны.

Действия японцев сводились к двум основным целям. Они стремились подвести под основные форты минные галереи и взорвать их, расчистив тем самым своей пехоте путь для прорыва вглубь обороны русских войск. Одновременно японская артиллерия должна была сильным и систематическим огнем разрушить крепостные укрепления и нанести возможные большие потери личному составу их гарнизонов. Только после этого японское командование намеревалось предпринять новый штурм.

Положение гарнизона Порт-Артура, особенно с продовольствием, к исходу третьего штурма значительно ухудшилось. Уже с сентября в городе не было мяса; защитники питались кониной, да и та выдавалась два раза в неделю. Время для заготовки продовольствия было упущено.

Непрекращающиеся боевые действия и артиллерийские обстрелы, интенсивные работы по восстановлению разрушенных противником оборонительных сооружений, а также плохое качество пищи изнуряли солдат и офицеров, среди которых было много больных. Госпитали и больницы были переполнены ранеными и больными, медицинское обслуживание которых из-за нехватки врачей, санитаров, медицинского оборудования, перевязочных средств и лекарств оставляло желать лучшего.

Укрепления Порт-Артура имели серьезные повреждения, значительная часть батарей и орудий была выведена из

стройка. Весьма тяжелым было и положение боевых кораблей, фактически запертых на внутреннем рейде и находившихся под постоянным обстрелом японской артиллерии. Несмотря на тяжелые условия, солдаты, матросы и офицеры проявляли исключительное мужество и героизм и были полны решимости отстоять крепость.

В ответ на подземно-минные работы, проводимые неприятелем, защитники Порт-Артура развернули активную контрминную борьбу, зачастую сводя таким образом на нет многие попытки японцев, стремившихся овладеть фортами и укреплениями. В это время противники находились на расстоянии около 30 шагов, отделенные один от другого лишь шириной рвов и толщиной брустверов.

В целях более эффективного противодействия осадным работам русские солдаты совершали многочисленные вылазки, забрасывая неприятельских саперов ручными гранатами, небольшими зажигательными снарядами, наполненными предназначенными для зажигания мешков с землей взрывчатыми веществами, и пироксилиновыми шашками. Противник вынужден был сформировать специальные команды, которые занимались тушением загоревшихся мешков и фитилей ручных гранат. Защитники крепости для перехвата гранат, забрасываемых японцами, применяли густые сети из проволоки²⁴.

Действия русской артиллерии в тот период сводились к разрушению траншей противника, борьбе с его артиллерией, и особенно с 11-дюймовыми гаубицами, поддержке вылазок защитников крепости и к поражению живой силы неприятеля. Каждой батарее была указана определенная цель, по которой она должна была вести огонь.

Противоштурмовая и полевая артиллерия предназначалась преимущественно для борьбы с живой силой и для разрушения траншей. Крепостная артиллерия, состоявшая из орудий крупных калибров, должна была подавлять батареи противника. Подавление огня японских дальнобойных орудий возлагалось на артиллерию Приморского фронта и корабли

эскадры. Артиллерия крепости сыграла важную роль в разрушении осадных объектов, возведенных противником.

Существенную помощь гарнизонам фортов и укреплений в ходе минной войны оказали моряки. Используя свою технику, они приспособили минные аппараты кораблей для стрельбы морскими минами по наземным позициям противника. Иногда шаровые мины заграждения, вес которых превышал 150 кг, скатывались по склонам сопков в расположение японцев, нанося им значительные потери.

Активное противодействие гарнизона крепости и моряков эскадры подземно-минным работам противника в значительной мере препятствовало их ведению, а в ряде случаев сводило на нет все усилия осаждающей стороны.

В начале ноября в главную японскую ставку поступили сведения о том, что Вторая Тихоокеанская эскадра уже находится в Индийском океане. Эти известия чрезвычайно обеспокоили адмирала Х. Того и маршала И. Ойяму, убедив их в необходимости как можно скорее приступить к ремонту кораблей Соединенного флота и к подготовке их к генеральному сражению с эскадрой З.П. Рожественского.

В штаб 3-й японской армии были направлены генералы Фукушима и Кодама с поручением маршала Ойямы поторопить Ноги с началом четвертого штурма. Учитывая сложившуюся обстановку и настоятельные требования ставки, Ноги решил произвести новый штурм, не дожидаясь окончания минных работ.

Штурм был назначен на 13(26) ноября. Объекты, намеченные для атаки, были те же, что и во время предыдущего штурма: батарея литера «Б», Куропаткинский люнет, форт № II, Китайская стенка, форт № III и укрепление № 3. Для штурма названных объектов выделялись 11-я, 9-я, 1-я дивизии и 26-й полк 7-й дивизии. Атаке должна была предшествовать сильная артиллерийская бомбардировка укреплений, предназначенных для штурма, а также тех батарей и укреплений, которые могли бы во время штурма поддержать атакуемые укрепления.

Численность японских войск, привлеченных к четвертому штурму Порт-Артура, составляла около 50 тыс. человек. К началу штурма на всем Сухопутном фронте обороны и в общем резерве насчитывалось 17 919 человек. На участке, намеченном для штурма, оборонялась 61 рота ослабленного состава. Их численность достигала 5717 человек.

Уже 7(20) ноября начались мелкие столкновения передовых частей, носившие со стороны японцев характер разведки боем. Одновременно в тылу противника перед укреплениями Восточного фронта наблюдались перегруппировки войск, что указывало на приближение очередного штурма и позволяло русскому командованию сделать выводы относительно основных направлений и объектов японских атак.

С 8 часов 13(26) ноября артиллерия противника начала интенсивный обстрел укреплений Восточного фронта от Курганной батареи до батареи литеры «А». Особенно сильной бомбардировке подверглись Курганная и Заредутная батареи, укрепление № 3, форт № III и Китайская стенка. В течение дня японцы произвели целый ряд атак против укреплений Восточного фронта. Все эти атаки производились однотипно. Солдаты противника собирались во рвах и захваченных ранее капонирах и оттуда пытались овладеть брустверами. Но гарнизоны фортов встречали их дружным ружейным огнем, ручными гранатами и стремительными штыковыми контратаками. В результате противник нес весьма ощутимые потери.

Ночью японцы попытались еще раз нанести решительный удар. С этой целью они сформировали особый отряд добровольцев численностью 2600 человек во главе с генералом Накамурой. Добровольцам предстояло прорваться внутрь крепости и пробить брешь в обороне Восточного фронта. Перед выступлением Накамура отдал следующий приказ: «Из нас никто назад не вернется... Каждый из офицеров, в каком бы он чине ни был, должен заблаговременно назначить себе заместителя. Удар противнику будет нанесен штыками. Какой бы силы ни был огонь противника, никто не смеет стрелять

до тех пор, пока мы не утвердимся на позиции противника. Приказываю офицерам немедленно расстреливать того, кто без причины позволил бы себе лечь, оставить свое место или отойти назад»²⁵.

Японцы не заметили, что моряки вышли им во фланг и тыл и с ходу ударили в штыки. Уже через несколько минут после начала этой стремительной атаки русских японцы были отброшены в ближайший овраг.

Так закончился первый этап четвертого штурма Порт-Артура. На рассвете только перед Курганной батареей было обнаружено убитыми 780 солдат и офицеров противника. Всего за 13(26) ноября японцы потеряли около 4500 человек. Русские также понесли большие потери. Только убитых было не менее 1500 человек. Некоторые роты практически перестали существовать²⁶.

Потерпев неудачу при штурме позиций Восточного фронта, японское командование решило сосредоточить основные усилия на Западном фронте против гор Высокая и Плоская, вершины которых могли служить идеальными наблюдательными пунктами. Оттуда ясно были видны корабли эскадры, стоявшие в гавани.

Укрепления на горе Высокая, усиленные после сентябрьского штурма, состояли из глубокого блиндированного кольцевого окопа, охватывавшего обе вершины, сомкнутого укрепления на левой вершине с глубоким внутренним рвом и батареей 6-дюймовых орудий на правой вершине горы. Эта батарея также была превращена в укрепление и соединялась окопом с батареей полевых орудий и далее с редутом на левой вершине. На тыловом склоне горы были устроены блиндажи для резервов. Все укрепления были усилены искусственными препятствиями в виде проволочной сети перед нижним кольцевым окопом и проволочной сети, соединенной с засекой, расположенной между левым редутом и нижним кольцевым окопом.

После сентябрьского штурма работы по укреплению горы шли безостановочно. Помимо названных укреплений и реду-

тов при помощи взрывов в складах были устроены обширные пещеры. О том, насколько большое значение придавало русское командование горе Высокая, говорит тот факт, что здесь для подачи воды была устроена паровая водокачка, чего не было на других позициях.

К началу четвертого штурма гарнизон горы Высокая состоял из 5 рот 5-го, 14-го и 15-го Восточно-Сибирских стрелковых полков. Большое значение для удержания горы Высокая имела оборона соседних с ней гор Фальшивая, Плоская и Дивизионная.

К 14(27) ноября противнику удалось приблизить свои параллели к нижнему окопу горы Высокая на расстояние до 150–200 шагов. Несмотря на огромный численный перевес врага, гарнизоны Высокой и Плоской все атаки к 21 часу успешно отразили и приступили к исправлению поврежденных на укреплениях.

15(28) ноября в 5 часов утра ожесточенная бомбардировка обеих гор повторилась. Уже к 8 часам исправленные в течение ночи укрепления вновь были разрушены. Но по проравшемуся противнику открыл огонь взвод полевой артиллерии, располагавшийся близ Голубиной бухты. К полудню японцы отступили на исходные позиции. Одновременно другой отряд штурмовал северный участок укреплений горы Высокая, но также потерпел неудачу и отступил. Все атаки как 16(29) ноября, так и в последующие дни, вплоть до 19 ноября (2 декабря), успеха не имели.

Обе стороны сознавали важность горы Высокая для дальнейшего хода и исход борьбы за Порт-Артур. Поэтому боевые действия на этом участке приняли особенно напряженный характер. Наступившее уже с 18 ноября (1 декабря) на всем Западном фронте затишье не коснулось горы Высокая.

Положение защитников было исключительно тяжелым. Окопы были разбиты. Из 43 блиндажей уцелело 2. Личный состав гарнизона, лишенный практически каких-либо укрытий и отбивавший натиск неприятеля в основном штыковыми контратаками и ручными гранатами, нес большие потери.

Только через перевязочные пункты к исходу дня 18 ноября (1 декабря) прошло 1600 человек. Всего за 5 дней боев за гору Высокая русские потеряли убитыми и ранеными до 2500 человек²⁷. Полковник Н.А. Третьяков был тяжело ранен. Р.И. Кондратенко непрерывно направлял сюда подкрепление. Вскоре общий резерв крепости был исчерпан, и подкрепления на Высокую стали посылать с других участков сухопутной обороны и с кораблей эскадры.

Положение на горе Плоская также было тяжелым. Окопы и укрытия были разбиты, гарнизон нес большие потери.

22 ноября (5 декабря) в 7 часов 55 минут неприятель снова начал усиленно обстреливать Высокую. Наступление началось в 8 часов 15 минут. Вскоре на горе закипел горячий бой. Японцы, несмотря на потери от огня оборонявшихся, шаг за шагом продвигались вперед. В 17 часов 30 минут остатки ее защитников, израненные и утомленные почти непрерывными 9-дневными боями и артиллерийскими бомбардировками, отступили в расположение крепости. Вечером того же дня было отдано распоряжение оставить горы Плоская, Дивизионная и Фальшивая и отвести их гарнизоны за линию фортов Западного фронта.

Бои за гору Высокая явились кульминацией четвертого штурма. В боевые действия за Высокую и Плоскую со стороны гарнизона Порт-Артура было втянуто более 80 рот, отдельных команд и отрядов, многие из которых понесли настолько большие потери, что после отвода в тыл были расформированы. В одном только 5-м полку из 23 офицеров, 26 заурядпрапорщиков и 1805 нижних чинов выбыло из строя соответственно 14, 17 и 1251 человек.

Общие потери русских войск на этом участке обороны составили около 5 тыс. человек. Противнику был нанесен вдвое больший урон: его потери превысили 10 тыс. человек.

Корабли Первой Тихоокеанской эскадры, практически запертые на внутреннем рейде, уже с сентября подвергались почти непрерывному обстрелу со стороны неприятельских сухопутных батарей. Многие корабли к моменту окончания четвертого

штурма крепости имели тяжелые повреждения, исправлять которые становилось все труднее и труднее. Наконец в последние дни октября на одном из совещаний флагманов было принято следующее решение: «В случае крайности, т.е. близости сдачи крепости, суда, которые смогут пройти до прохода (выхода из внутреннего рейда. — *Авт.*), идут туда и затопляются у брандеров, а также топятя там все суда, которые можно туда дотащить». Это решение, по существу, явилось приговором русским кораблям. К исходу первой половины ноября на кораблях было оставлено минимальное количество снарядов. Почти все боеприпасы были переданы на сухопутные фронты обороны. Фактически эскадра как боевая сила перестала существовать. Четвертый штурм был отражен защитниками крепости без какого бы то ни было участия русских кораблей.

С занятием японцами горы Высокая, господствовавшей над Новым городом, Западным бассейном и южной частью Восточного бассейна, участь эскадры была решена. Получив возможность точно корректировать огонь своих 11-дюймовых гаубиц, японцы немедленно начали расстреливать русские корабли.

Падение горы Высокая и вызванное этим обстоятельством оставление русскими войсками передовых позиций Северного и Западного фронтов открыли противнику доступ непосредственно к линии фортов крепости. Генерал Ноги решил больше не предпринимать штурма, а взять Порт-Артур измором, минной войной и систематическими артиллерийскими бомбардировками.

С падением горы Высокая начались непрерывные обстрелы крепостных сооружений и городских кварталов. При этом многие снаряды попадали в здания, где размещались госпитали и больницы. Угнетающе на моральный дух гарнизона действовало отсутствие каких бы то ни было известий с главного театра военных действий, продолжавшееся ухудшение продовольственного положения в крепости и в городе. Вследствие плохого питания среди личного состава было много больных тифом, цингой и куриной слепотой.

Все то, что переживали и чувствовали в те дни солдаты, матросы и офицеры, выражено в нескольких строках в дневнике подполковника С.А. Рашевского. 26 ноября (9 декабря) он записал: «Неопределенность нашего настоящего положения и отсутствие каких бы то ни было точных сведений создают целый ряд разнообразных заманчивых слухов, вроде того, что со стороны Кинчжоу (Цзиньчжоу. — *Авт.*) и Самсона слышны пушечные выстрелы. Все хватаются за всякий слух — все изнервничались, устали, извелись бесконечной осадой и томительным, безнадежным ожиданием выручки». А вот запись от 1(14) декабря: «Сегодня пошел одиннадцатый месяц осады, и мы все еще в полной неизвестности, на что нам рассчитывать. До сих пор держимся исключительно каким-то чудом, но уже скоро иссякнут наши запасы, и сопротивление крепости будет сломлено».

С утра 2(15) декабря японцы начали обстреливать форт, куда прибыл генерал Кондратенко, 11-дюймовыми снарядами. Так на боевом посту погиб замечательный русский патриот, неутомимый организатор и вдохновитель героической обороны Порт-Артура генерал Роман Исидорович Кондратенко. Гибель Кондратенко произвела крайне удручающее впечатление на гарнизон крепости. Это была невозможная утрата, как и гибель адмирала С.О. Макарова в самом начале войны.

3(16) декабря было объявлено о назначении А.Ф. Фока начальником сухопутной обороны. В должность начальника 7-й дивизии вступил генерал М.А. Надеин. Назначение Фока, не пользовавшегося после боев на цзиньчжоуской позиции, на Зеленых и Волчьих горах, доверием гарнизона Порт-Артура, было воспринято многими как дурное предзнаменование, с затаенным опасением за благополучный исход обороны. Комендант крепости генерал К.Н. Смирнов прямо сказал об этом генералу М.И. Костенко: «В скором времени вы будете свидетелем быстрой сдачи фортов генералом Фоком»²⁸. Эти прогнозы, как показал дальнейший ход событий, не замедлили подтвердиться.

Вторым долговременным укреплением, взятым японцами, был форт № III. 14(27) декабря саперы закончили прокладку минных галерей под бруствер форта. Во время взрыва на форте находилось 240 человек. Некоторые из них были придавлены обломками, многие отравлены газами. Часть гарнизона погибла. Оставшиеся в живых не смогли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления японцам, атаковавшим сразу после взрыва.

Падение форта № III создало для крепости критическое положение. На участке сухопутной обороны, атакованном неприятелем во время четвертого штурма, осталось лишь одно долговременное оборонительное сооружение — укрепление № 3. На овладении им японское командование сосредоточило основное внимание. С падением этого укрепления подразделения, оборонявшие Восточный фронт, вынуждены были бы отойти на еще не подготовленную вторую линию обороны. 11-дюймовые японские батареи получили бы в этом случае возможность беспрепятственно разрушать Китайскую стенку.

16(29) декабря состоялось заседание Совета обороны крепости. Из 22 участников этого заседания 19 высказались за безусловное продолжение активной обороны, за сковывание возможно больших сил противника на еще имеющихся в распоряжении русского командования долговременных и полевых укреплениях. Это было мнение всего гарнизона осажденной крепости. Лишь начальник штаба укрепленного района полковник В.А. Рейс заявил о том, что дальнейшая борьба бессмысленна, а поэтому необходимо как можно скорее начать переговоры с японским командованием о сдаче крепости на почетных условиях. Начальник сухопутной обороны А.В. Фок прямо не поддержал В.А. Рейса. Он уклончиво заявил, что возможность дальнейшей обороны зависит от того, насколько долго удастся удержать Китайскую стенку. Он также допускал возможность ведения обороны на второй и третьей линиях, а при дальнейшем сокращении гарнизона — в Старом городе. Сдача крепости, считал Фок, может быть вы-

звана только истощением запасов продовольствия. Председательствовавший на заседании А.М. Стессель, подводя итоги обсуждения, присоединился к мнению большинства офицеров о необходимости продолжать оборону⁴⁴.

Таким образом, заседание Совета обороны продемонстрировало полную решимость гарнизона крепости продолжать борьбу. Стессель и Фок не могли этому открыто воспрепятствовать, хотя они сами, так же как и Рейс, были настроены на капитуляцию. Об этом свидетельствует тот факт, что еще накануне заседания Совета обороны, поздно вечером 15(28) декабря, Стессель подготовил на имя Николая II телеграмму, в которой говорилось: «Сегодня, в 10-м часу утра японцы произвели взрыв бруствера форта № III... По занятии этого форта японцы делаются хозяевами всего Северо-Восточного фронта, и крепость продержится лишь несколько дней. Приму меры, чтобы не допустить резни на улицах. Цинга очень валит гарнизон. У меня под ружьем 10–11 тысяч, и они нездоровые...»⁵⁰ Это было открытое выступление за сдачу Порт-Артура. Факты, сообщаемые в телеграмме, далеко не отвечали истинному положению дел. Так, начальник артиллерии крепости генерал В.Ф. Белый говорил на Совете обороны, что, хотя материальная часть артиллерии сильно изношена, «снарядов еще хватает для обороны». Не соответствовали действительности и данные, приводимые Стесселем относительно численного состава гарнизона, поскольку после сдачи крепости на сборный пункт военнопленных явилось более 23 тыс. солдат, матросов и офицеров.

Между тем боевые действия и обстрел Порт-Артура японской осадной артиллерией продолжались. В 6 часов утра 19 декабря (1 января) два японских полка заняли Китайскую стенку и сосредоточились за Заредутной батареей. Под прикрытием артиллерийского огня японская пехота пошла на штурм Большого Орлиного Гнезда. Вскоре после падения Большого Орлиного Гнезда, в 15 часов 50 минут 19 декабря (1 января), Фок направил Стесселю доклад о том, что он считает невозможным дальнейшее удержание Восточного фронта. Стес-

сель согласился с этим и приказал полковнику Рейсу составить на английском языке на имя командующего японской осадной армией генерала Ноги письмо с предложением начать переговоры о сдаче крепости. В начале 17-го часа офицер штаба укрепленного района прапорщик Малченко был отправлен с этим письмом на японские аванпосты³¹.

После отправки парламентаря Стессель отдал распоряжение контрадмиралу Р.Н. Вирену взорвать в течение ночи уже затопленные броненосцы и крейсера. В 21 час 30 минут на миноносце «Статный» из Порт-Артура в Чифу были отправлены знамена, архивы и другие наиболее важные документы. Позднее, благополучно миновав японскую блокаду, ушли из Порт-Артура и прорвались в Киао-Чао (Циндао) миноносцы «Смелый» и «Бойкий», а в Чифу — «Сердитый», «Скорый» и «Властный». Успешный выход в море оставшихся в строю миноносцев и их прорыв в нейтральные порты свидетельствовал о том, что русское командование не сумело использовать возможность прорыва из Порт-Артура отдельных кораблей.

В течение ночи моряки подрывали свои корабли. Стессель не отдал никакого распоряжения об уничтожении оставшихся крепостных сооружений, о приведении в негодность орудий, боеприпасов и другого военного имущества. Но как только до личного состава гарнизона дошли сведения о предстоящей сдаче крепости, солдаты, матросы и офицеры по собственной инициативе начали сжигать постройки, уничтожать укрепления, портить орудия, приводить в негодность боеприпасы. Это было реакцией возмущенных солдат и матросов на предательство Стесселя и его окружение. Взрывы и пожары продолжались всю ночь и прекратились только днем 20 декабря (2 января) после неоднократных и настойчивых требований японского командования уже во время обсуждения условий капитуляции.

Рано утром 20 декабря (2 января) Стессель получил согласие Ноги на ведение переговоров о капитуляции Порт-Артура. Ночью и утром на отдельных участках еще шла перестрелка, но к полудню, когда в деревне Шуйшиин начались

переговоры об условиях капитуляции, огонь с обеих сторон прекратился.

Уполномоченными на ведение переговоров с русской стороны были назначены начальник штаба укрепленного района полковник В.А. Рейс, начальник штаба крепости подполковник А.М. Хвостов, уполномоченный от военно-морских сил капитан 1-го ранга Э.Н. Шенснович, начальник штаба 4-й дивизии подполковник П. Дмитриевский, исполняющий должность начальника штаба 7-й дивизии капитан Голован, офицер штаба укрепленного района прапорщик Малченко, уполномоченный Красного Креста Балашов и переводчик Лебедев. Рейс был уполномочен требовать, чтобы победители выпустили весь гарнизон с оружием в руках, если же японцы не согласятся, то принять условия менее выгодные, если они не будут унижительны⁵².

Японский уполномоченный, начальник штаба осадной армии генерал Идитти, вручил Рейсу подготовленные условия капитуляции и дал 50 минут на их обсуждение. Рассмотрев эти условия, русские представители передали японцам свои контрпредложения, в первую очередь требование выпустить из крепости весь гарнизон с оружием в руках. Но Идитти категорически заявил, что условия, предложенные им, получены из Токио и отступить от них он не имеет права. Тогда Рейс согласился принять условия японцев. В 19 часов акт о капитуляции был подписан обеими сторонами.

Согласно условиям капитуляции, весь гарнизон крепости попадал в плен. Все форты, укрепления, корабли, оружие, боеприпасы, деньги и другое военное имущество передавались в распоряжение японской армии в том виде, в каком они находились к моменту подписания капитуляции. Генералам, адмиралам и офицерам оставались их личное оружие и необходимые личные вещи. Обезоруженные солдаты, матросы и унтер-офицеры русской армии под командованием своих офицеров должны были явиться на сборный пункт, указанный японским командованием. Капитуляция вступала в силу сразу же после ее подписания.

Ко дню капитуляции в составе гарнизона Порт-Артура числилось 32 400 человек (в том числе 5809 раненых и больных), около 3 тыс. лошадей, 610 исправных орудий, 9 пулеметов, 207 855 снарядов различных калибров. Еще не были исчерпаны запасы продовольствия. По данным ведомости состояния гарнизона и снабжения крепости Порт-Артур, к 20 декабря 1904 г. (2 января 1905 г.) муки имелось в наличии на 27, крупы на 23, чая на 196, сахара на 40, сухарей на 21, сухих овощей на 88, соли на 175, овса, ячменя и бобов — на 34 дня³⁵.

Многие укрепления еще держали оборону. Обороняться можно было также на второй и третьей линиях. Однако Стессель, Фок, Рейс и им подобные предали гарнизон Порт-Артура, солдаты и офицеры которого были полны решимости продолжать борьбу.

Стратегическое значение героической обороны Порт-Артура в общем ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. велико. Защитники крепости длительное время сковывали крупные силы противника (около 200 тыс. человек) и практически весь японский флот.

Японцы потеряли в борьбе за Порт-Артур в общей сложности более 110 тыс. человек и 15 боевых кораблей. 16 кораблей получили серьезные повреждения.

Оборона Порт-Артура, несмотря на ее неудачный исход для русских войск, сыграла важную роль в развитии военного искусства. Прежде всего она показала, что приморская крепость может вести успешную борьбу только при условии организации тесного взаимодействия ее гарнизона с военно-морским флотом и полевой армией.

В ходе обороны Порт-Артура в полной мере выявилось значение долговременных оборонительных сооружений (форты, укрепления, батареи), способных противостоять обстрелу тяжелой артиллерии противника. Именно эти сооружения стали основой обороны. После их падения участь крепости была фактически решена.

В боях на передовых позициях Квантунского полуострова, а также в ходе борьбы непосредственно за укреп-

пления Порт-Артура получили развитие элементы позиционной войны, выразившиеся в методическом продвижении японцев от одной русской оборонительной позиции к другой, в систематическом проведении артиллерийской и инженерной подготовки атак и штурмов этих позиций. Начала намечаться тенденция превосходства обороны над наступлением. Все атаки и штурмы стоили противнику огромных потерь при относительно небольшом уроне оборонявшейся стороны.

Бои за Порт-Артур показали резко возросшую роль артиллерии крупных калибров, способной разрушать долговременные бетонные оборонительные сооружения. Этим требованиям отвечали японские 11-дюймовые гаубицы, пробивавшие бетонные своды русских фортов, не рассчитанные на такой калибр снарядов. Что касается русской артиллерии, то она в значительной мере была устаревшей. Орудия многих систем, которые находились на вооружении сухопутных фронтов обороны, не могли вести успешную борьбу с полевой и осадной артиллерией противника, а были пригодны лишь как противостурмовые средства. Лучше в артиллерийском отношении был оснащен Приморский фронт, имевший много орудий новейших конструкций. И все же крупным упущением в конструкциях орудий Приморского фронта было то, что они не предусматривали возможности кругового обстрела и, за редким исключением, не могли оказывать поддержку артиллерии сухопутных фронтов.

Что касается действий японских войск, то, несмотря на многократное превосходство в силах, им не удалось овладеть крепостью в открытом бою. Иностранные военные корреспонденты, находившиеся при штабе армии Ноги, говорили, что «история осады Порт-Артура — это от начала до конца трагедия японского оружия». Японские офицеры гнали солдат в многочисленные атаки и штурмы, не считаясь с потерями. Сам командующий осадной армией признавался впоследствии: «Единственное чувство, которое я в настоящее время испытываю, — это стыд и страдание, что мне пришлось

потратить так много человеческих жизней, боевых припасов и времени на недоконченное предприятие»⁴⁹.

Падение Порт-Артура оказало решающее влияние на дальнейший ход и исход войны. Главный и коренной вопрос войны — господство на море — был решен, по существу, окончательно в пользу Японии⁵⁰. Россия потеряла флот и военно-морскую базу на Тихом океане. Японские войска, освободившиеся после захвата Порт-Артура, были использованы противником против русской армии в Маньчжурии. Японцы получили возможность беспрепятственно перевозить свои войска на материк, а их флот — необходимое время для перевооружения своих кораблей.

Решающим фактором длительной обороны Порт-Артура являлась стойкость и храбрость русских солдат, матросов и офицеров, которые, не в пример своим бездарным руководителям, не хотели мириться с позорным поражением русских войск в этой войне.

Важную роль в длительной и успешной обороне крепости играло русское прогрессивное военное и военно-морское искусство, главными выразителями которого в эту войну были генерал Кондратенко и адмирал Макаров и шедшие за ними офицеры, матросы и солдаты. Предложенная Макаровым организация обороны крепости с моря, основанная на принципе тесного взаимодействия корабельных сил и позиционных средств флота, явилась весьма эффективной формой обороны базы с моря. Разработанная же генералом Кондратенко организация сухопутной обороны крепости в виде взаимно связанных между собой оборонительных секторов и специально созданного резерва вполне отвечала требованиям ведения успешной активной позиционной обороны базы с суши. А вместе взятые, они обеспечивали круговую оборону главной базы флота.

Оборона Порт-Артура подтвердила важное значение приморских крепостей как базы флота. Опыт этой обороны показал, что база, осажденная с суши и блокируемая противником с моря, при наличии в ней крепостных войск может вести длительную оборону собственными силами, но без по-

мощи и взаимодействия с полевой армией в конечном итоге обречена на падение.

В обороне Порт-Артура получили дальнейшее развитие методы содействия флота сухопутным войскам при обороне морских крепостей. Русский флот применял два метода: систематическое артиллерийское содействие флангу войск и постановку активных минных заграждений на путях движения блокирующего флота противника.

Удар с суши в сочетании с тесной блокадой с моря оказался наиболее эффективной формой борьбы против базы флота, что подтвердило необходимость создания достаточно сильной обороны базы флота как с моря, так и с суши.

Появление крупнокалиберной дальнобойной артиллерии по-новому поставило вопрос об организации сухопутной обороны базы. Это потребовало создания мощных укреплений; вынесения переднего рубежа сухопутной обороны базы на расстояние, исключающее возможность обстрела порта дальнобойной артиллерией противника; установки батарей в башнях; увеличения глубины сухопутной обороны путем создания нескольких оборонительных рубежей, включающих в себя артиллерийские позиции и пулеметные точки; создания надежных укрытий для войск против артиллерийского обстрела.

Опыт обороны Порт-Артура с моря также поставил ряд новых вопросов, из которых важнейшими являлись:

- необходимость надежной обороны и охраны внешнего рейда базы, при которой исключалась бы возможность внезапной атаки неприятельского флота;
- выделение из состава флота специальных сил и средств, предназначенных для обороны базы;
- организация обороны базы с моря путем использования маневренных сил и позиционных средств флота (береговые батареи и минные заграждения) в виде создания минно-артиллерийских позиций;
- необходимость установки береговых батарей с круговым обстрелом, которые можно было бы использовать для борьбы как с морским противником, так и с сухопутным;

- необходимость заблаговременного создания прочной круговой обороны базы.

Новым в блокаде базы с моря явилось широкое использование мин. Минное оружие, с одной стороны, увеличило возможности блокирующего флота, с другой — облегчило борьбу с ним и поставило вопрос об организации противоминной обороны на театре.

При обороне базы флота выявилась необходимость подчинения всех находящихся в ней сил, и сухопутных, и морских, одному начальнику, организующему их взаимодействие, чего при обороне Порт-Артура не было.